

18+

Виталий Полищук

**Серые тени
в ночной тьме**

Виталий Полищук

Серые тени в ночной тьме

«Издательские решения»

Полищук В.

Серые тени в ночной тьме / В. Полищук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748698-3

В городе Южносибирске царит паника — один за другим пропадают люди, причем пропадают бесследно. Через месяц не менее странные события происходят на таежном болоте в глубине тайги вблизи районного центра Затайгинска. Странные жуткие существа из снега безжалостно уничтожают зверей и людей. Расследование переходит в руки офицеров военной разведки. Перед вами второй роман из цикла «Космический отряд Виктора Денисова».

ISBN 978-5-44-748698-3

© Полищук В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	44
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Серые тени в ночной тьме

Виталий Полищук

© Виталий Полищук, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Корабль плеядцев шел через Солнечную систему, держа курс к любой планете, более-менее подходящей для предстоящей утомительной операции ремонта вспомогательного ядерного двигателя.

Основной двигатель был исправен и прекрасно вел себя, работая в штатном режиме, но проходя сквозь звездные системы, его приходилось выключать – гиперпространственный двигатель не годился для преодоления густонаполненных космическими телами секторов пространства, подобных Солнечной системе.

Однако при приближении к Солнцу, когда основной двигатель по приказу командира был выключен, вспомогательный при запуске вдруг дал сбой, и заработал как-то неровно, словно бы всхлипывая.

А если учесть, что работал этот агрегат огромного корабля обитателей созвездия Плеяд на ядерном топливе, станет понятной озабоченность командира и инженеров корабля – ядерный двигатель следовало поскорее выключить, охладить и затем произвести ремонтную диагностику и устранение неполадок.

А еще совсем недавно, преодолевая с огромной скоростью космические просторы, плеядцы радовались и веселились, словно дети. Они только что они закончили успешное обследование очередной планетной системы и даже отловили и захватили с собой странное местное порождение фауны – бесформенное, как комок амебы (правда, большой по размеру амебы) существо, которое сразу же, как только попало на борт корабля, принялось веселить их – принимало разнообразные формы, пыталось даже копировать стрекозообразные тела плеядцев с крыльями и даже махая ими – летать.

Получалось утомительно – существо, конечно же, не могло взлететь при всем его желании – оно было слишком тяжелым для полета. Ведь вес обычного обитателя планет системы Плеяд не превышал 40 килограммов; существо же с исследуемой планеты даже на глазок весило в два раза больше.

Так что отсмеявшись и определив пойманного обитателя в предназначенную для образцов камеру, плеядцы разошлись и разлетелись по исследуемой планете, дивясь странному обстоятельству – планета была экологически безупречна, на ее поверхности имелись сооружения, выполненные, несомненно, разумными существами, но самих обитателей не было. Судя по следам, они покинули планету на космических кораблях, а возможно и параллельно еще каким-то образом. Как бы то ни было, плеядцы, находившиеся на поверхности исследуемой планеты вот уже десятый оборот ее вокруг местного голубого цвета солнца, обнаружили научные лаборатории (об этом свидетельствовали многочисленные приборы явно научно-исследовательского характера. Уж химические колбы и реторты трудно было не узнать). Нашли они и следы взлетов космических кораблей – но ни одного самого корабля на планете не было.

Как не было и никаких иных наземных обитателей на поверхности планеты. И это было странно. Птицы – летали в небе, везде летали также насекомые, а вот по земле ничто не ходило, ни бегало, ни ползало.

Только существа, подобные уже пойманному исследователями.

А так как экспедиция плеядцев была ксенобиологическая, то вскоре они поняли, что исследовать им здесь особо и нечего. И проверив, как чувствует себя их единственный трофей (тот, по всей видимости, впал в спячку, так как был недвижим и ни на что не реагировал), космонавты свернули исследования и вскоре летели в пространстве, сначала – обычном: а после запуска основного двигателя – в гипере. Движение в этом режиме позволяло развивать сверхсветовую скорость и передвигаться от одной звездной системы к другой за считанные дни.

Конечно, в системе отсчета плеядского времени, а не земного. День на родной планете космонавтов был в три раза длиннее земного, а год – в два раза.

Что касается неисправности вспомогательного двигателя, то это было это и немудрено – экспедиция находилась в свободном исследовательском поиске уже более пяти лет.

Плеядских лет, естественно.

Так что когда при запуске в Солнечной системе атомный двигатель забарахлил, командир не удивился. А просто тут же отправил на родную планету сообщение обо всем, что случилось с кораблем после передачи последнего сообщения, о том, что намеревался делать, после чего отдал приказ идти к ближайшей подходящей планете (ею чисто случайно оказалась Земля), выбрать на её поверхности укромное местечко и приземлиться.

Для проведения, как уже упоминалось выше, тщательного ремонта. А пока идти на частично неисправном двигателе, который, в общем-то, работал более-менее удовлетворительно.

Как вскоре оказалось, «менее», а не более. Но поняли это плеядцы слишком поздно.

Пролог

30 июня 1908 года рано утром в бассейне притока Енисея – реки Подкаменная Тунгуска, ничто, казалось бы, не предвещало беды.

Как обычно, тянули вверх к небу хвойные кроны древесные гиганты, начали петь птицы, в внизу, среди деревьев раздался треск – это продирался сквозь заросли подлеска бурый медведь, король местных территорий. И вдруг...

В восьмом часу утра по местному времени над тайгой пронеслось огненное тело, которое взорвалось затем в небе, распустившись гигантским огненным цветком – шаром.

Через некоторое время самописцы Иркутской обсерватории отметили возмущение магнитного поля Земли, закончившееся только через пять часов.

Современники оценивают силу взрыва как равную сорока мегатонным водородным бомбам. Как бы то ни было, на площади около 500 квадратных километров все деревья были повалены, за исключением самой точки взрыва – здесь остались стоять голые столбы стволов, и это свидетельствовало, что взрыв произошел не на поверхности планеты, а **над ней**.

Взрыв породил землетрясение, отмеченное чуть ли не повсеместно в Европе и Азии. В последующем на территории Южной Сибири, Средней Азии и почти всей Европы необыкновенно ярко и с непривычными цветовыми оттенками несколько ночей светилось небо.

Организованные в последующие годы экспедиции в район «падения Тунгусского метеорита» так и не нашли никаких следов этого самого метеорита. Были найдены стоящие голые стволы деревьев, но вот каких либо осколков **чего-то этакого** так найдено и не было.

И тогда некоторые советские ученые (дело происходило уже в советский период времени) высказали предположение, что метеорита не было, а был космический корабль – гость из космоса, который по каким-то причинам не долетел до поверхности Земли – взорвался.

Гипотеза эта так и осталась гипотезой. Не подтвержденной, но никем и не опровергнутой доказательно – да что там, гипотез о «тунгусском диве» были десятки!

И лишь теперь гипотеза о взорвавшемся в 1908 году в небе над Восточной Сибирью корабле подтвердилась, но каким жутким образом!

Что ж, очевидцы взрыва тогда, в далеком 1908 году и не могли разглядеть, что были-таки осколки после взрыва! Но что можно было разглядеть в огненном небе в тот момент?

Между тем несколько частиц корабля взрывной волной отнесло в юго-западном направлении. Они пронесли над территориями нынешних Томской и Кемеровской областей и упали на землю уже в Южносибирском крае.

Причем мелкие частицы осыпались на поросшую елями и кедрами болотистую равнину Затайгинского района края, а вот самый большой кусок... самый большой кусок упал на окраине города Южносибирска. Во двор дома, стоявшего на краю высокого обрыва, возвышающегося над широкой гладью неспешно текущей здесь реки Оби. Пробив при этом крышу сарая стоявшего на самом краю обрыва, как принято говорить, крепкого подворья.

Напомним, что произошло все это еще до Октябрьской революции. Вставший поздно в этот день мещанин Остроухов Кузьма Гордеич обнаружил продырявленный сарай ближе к обеду – а до этого он валялся на постели и страдал от похмелья.

Накануне он оформил все документы и торжественно открыл скобяную лавку в центре города. И, естественно, это дело отметил с единственным другом – инвалидом русско-японской

войны одноногим Иваном Серафимовым. Который торжественно был принят на должность приказчика-продавца нового торгового заведения.

Так что похмелье было естественным продолжением наполненного важными событиями предыдущего дня.

Но вставать-то было необходимо. И полечившись капустным рассолом, воспрянувший вскоре духом и телом новоявленный лавошник вышел во двор.

И увидел дыру на крыше сарая. А когда вошел внутрь сарая – там-то его не вполне протрезвевшему взгляду предстало **авто**.

Да-да, ни много, ни мало – а автомобиль, самый настоящий, новенький, блестящий черным лаком и с брезентовым верхом новомодный самодвижущийся агрегат. Каких в Южно-сибирске в то время было лишь два – у губернатора края, да еще у общества золотодобычи «Южносибирскзолото».

Кузьма Гордеич, 38-летний солидный мужчина, основательный и осмотрительный, в панику не ударился и удивления никакого не проявил. А сначала вышел и обследовал свое подворье и в особенности изгородь и подъездную к калитке дорогу.

Нигде не было следов подъезжающего к его дому авто, да и ширина проулка, в конце которого стоял дом Остроухова, не позволила бы протиснуться здесь ничему, кроме одноконной повозки.

Постояв в задумчивости и почесав взлохмаченные спросонку волосы, Кузьма Гордеич вернулся в сарай.

Что-то не нравилось ему в этом механизме. Что-то с ним было не так.

Кузьма Гордеич подошел поближе и коснулся сверкающего лакированной краской борта самодвижущегося экипажа. Поверхность вдруг подалась под давлением пальцев Остроухова и он испуганно прынул в сторону. Как так? Ну никак не может автомобиль быть мягким – это в то время знал уже любой горожанин бескрайней России.

Думал в последующем он недолго. Что бы это ни было, о нем не следовало никому говорить – ведь он только-только «встал на ноги», открыл накануне лавку, о которой мечтал столько лет и на которую копил деньги, из лета в лето уходя в тайгу мыть золото – а теперь все прахом? В одночасье?

Ведь и полиция затаскает, а если вмешается приходской батюшка... подумать страшно! Еще обвинят в сношении с сатаной – и действительно, кто его знает, что это такое стоит в него в сарае... И откуда оно взялось. Так что...

Всю вторую половину дня Остроухов посвятил плотниcko-столярным работам. Он пилил доски, ошкуривал столбы, которые затем вкапывал в сарае.

К вечеру ново объявившийся механизм был надежно упрятан от любых глаз – к вкопанным четырем столбам Кузьма Гордеич прибил доски – одну к другой, надежно и плотно. Да еще и накинул сверху, опустив по бокам края, полотнище из мешковины.

А если кто будет спрашивать – что там упрятано внутри, можно сказать, что в сарае он прячет наиболее ценные товары. А в подтверждение на его дверях он «пришпандорил» скобы, сквозь которые была продета дужка огромного амбарного замка.

Так что некому будет спрашивать, думал Остроухов. Попробуй-ка, попади в сарай сначала!

Забегая вперед, скажем, что подворье Остроухова пережило безутратно и гражданскую войну, и последующие годы... Ну, вот так повезло Кузьме Гордеичу...

Между тем в его доме женились, рожали детей, но вот как-то так получилось, что за все эти многие годы в сарай никто не заглядывал. Тем более что само строение постепенно обветшало, замок на дверях заржавел. А в щели стен внутри можно было разглядеть лишь какую-то

пыльную мешковину, которая прикрывала... Да что там она могла прикрывать в старом сарае? Сеновал скорее всего, в котором сено давным-давно сгнило.

Или какое-нибудь другое барахло...

И хотя проезд к дому Остроуховых давно был расширен, все эти годы по нему ездили другие автомобили, Судьба же агрегата в сарае так и оставалась неясной.

Ведь Кузьма Гордеич умер вскоре после второй мировой войны, так ничего никому и не рассказав о странной находке в своём сарае.

Все дальнейшее началось гораздо позже и произошло через много-много лет, а если сказать точнее – то в апреле, в 2009 году, на пасху.

Глава первая

За полгода до этого умерла Ксения Захаровна Остроухова, невестка давно почившего Кузьмы Гордеича. И дом перешел в наследство её внуку, Сереге Остроухову – студенту Южно-сибирского госуниверситета, худому и длинному лохматому двадцатилетнему шалопаю. И вот вступив накануне в права наследства, Серега не придумал ничего лучшего, как пригласить компанию приятелей отметить день святой пасхи в своем новом доме.

На природе, значит, на берегу Оби. Воздух там!.. Обалдеть!

И вот 23-го апреля вечером, где-то в половине восьмого, компания была в сборе, причем обеспеченная по полной – спиртное в количестве «вне разумных пределов», закуска, наоборот, «в пределах весьма разумных», и главное – «музон» в виде переносного двухкассетного магнитофона, именуемого за легкий вес и удобства в транспортировке в среде молодежи «потаскушкой».

В данный момент «потаскушка» была включена, заряжена аудиокассетой с песнями Третьякова, очень любимого в среде студентов за легкое и проникновенное содержание текстов, манеру исполнения под гитару и симпатичный внешний вид. Сейчас на улицу доносилось из зала дома Остроуховых слова исполняемой песни:

...мне всего четыре года, карамель за щекой,
я иду и улыбаюсь прохожим,,,

Доносившийся временами шум, веселые выкрики и смех говорили, что веселье было в разгаре, а его интенсивность, заглушающая звуки песни – что компания уже успела «принять на грудь», малую толику горячительного. А скорее всего – не такую уж и маленькую,

– ... И я сам на карамельку похо-о-жий! – закончил песню Третьяков, что на веселье никак не повлияло.

Что ж, стоит немного уделить внимание приятелям Сергея и описать их.

Во главе стола сидел заводила и лидер компании Ваня по прозвищу Важно. Нет-нет, грузин он не был, а просто носил узко пробритые усики на смуглом лице, был слегка горбонос и любил изображать время от времени кавказский акцент, обращаясь при этом к друзьям: «Дарагаой, защем это, ара!..»

Ну, где-то так. Хотя «ара» – это из лексикона жителей Армении, а не Грузии. О чем Ваню, скорее всего, просто не знал.

Справа от него сидел Серега Остроухов, рядом с Сергеем – его подруга Оля. Девушка была внешне ничего себе, но ее слегка портила поза – она любила изображать из себя этакую вальяжную теледиву. Какими она представляла себе этих кинодив – томными, с выражением скуки на лице, непременно с сигаретой, зажатой между пальцами. Ну, примерно вот так.

Сейчас она сидела, полу прикрыв голубые глаза и вытянув ноги и лениво наблюдала, как неспешно развивается пиршественное действо.

Прямо напротив нее расположился последний участник пирушки – Женька Кульков по прозвищу, естественно, «Кулек». Кудрявый и голубоглазый, верткий, он, хотя был невысокого роста, нравился девочкам их курса и слыл сердцеедом. Однако не это было главным качеством характера Женьки, то бишь – вовсе не любовь к прекрасному полу. Главной особенностью его характера было неумное любопытство – если было во что сунуть из любопыт-

ства нос – Женька его обязательно совал. И хотя частенько нос ему за это прищемляли, ничто не могло остановить его. Ну, такой вот у парня был характер, что ж поделаешь!

Так что на карамельки (это если следовать словам песни, звучавшей из динамиков магнитофона), члена компании похожи не были.

Можно добавить еще, что все они были студентами местного университета и учились на разных факультетах, что не мешало их тесной дружбе.

Тем временем веселье набирало силу, компания уже успела изрядно принять горячительного, о чем свидетельствовали несколько пустых бутылок, стоявших сбоку от Сереги на полу у ножки стола.

– А мы не пили еще за любовь! – кричал Серега. – За любовь еще не пили!

– Ара, какое упущение! – поддерживал его Ваню. – Наливай!

Сергей принялся наливать бокалы, и скоро в воздух взвились четыре наполненных рубинового цвета жидкостью сосуда, раздался звон, живительная влага поменяла свое местонахождение, приятно освежив четыре алчущих рта.

И в такт их действиям, в унисон тосту из динамиков полетело:

«Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую...»

И веселье продолжалось, правда через некоторое время всегда любопытствующий Женька перевел ход мыслей компании с романтически-облачного настроения на дела сугубо практически приземленные.

Все это время он шарил взором вокруг, изучая окружающую обстановку.

Изучать, впрочем, особо было и ничего. Большой зал был ярко освещен горевшей под потолком люстрой, и взору Женьки открывалось все – обстановка, фотографии на стенах, домотканые дорожки на полу. Но интересного ничего не было – мебель представляла из себя причудливое смешение стилей и эпох – если у одной стены стоял вполне современный трельяж с посудой, то у противоположной стены, между двумя окнами – явно старинный, может быть даже – антикварный комод, на котором стояли фарфоровые статуэтки, шкатулка (с документами, скорее всего) и самовар.

Женька встал и прошелся сначала по залу, потом заглянул в остальные комнаты,

– Ну и хоромы! – сказал он, возвращаясь, садясь на место и наливая себе вина в бокал. Троица остальных его приятелей была занята кто чем – Сергей и Оля топтались рядом со столом, обнявшись и изображая медленный танец, а Ваню внимательно рассматривал на свет свой бокал с теперь уже янтарного цвета жидкостью,

– Ты что же, Острый, – (Острый – это было прозвище Сереги), – теперь уйдешь из общаги и будешь здесь жить? Один? – спросил Женька.

– Пачему один? – ответил ему Ваню, легким движением опустошил бокал, взял с блюда и положил в рот оливку. – С любимой девушкой, понимаешь!

И оба повернули голову в сторону топчущихся на месте Сереги и Оли. Выражение лица Оли скорее опровергало мнение псевдогрузина, чем подтверждало его. Впрочем, Сереге этого видно не было – его лицо было повернуто в другую сторону.

Женька тем временем уже вновь успел встать и медленно двигаясь вдоль стены с развешенными на ней фотографиями, принялся внимательно рассматривать их. Однако вид однообразных мужских, женских и детских лиц быстро ему надоел и он, подойдя к танцующей парочке, спросил Серегу:

– А еще фотографии есть? Ну, альбомы там всякие...

– Да-да! – поддержала его Оля, который наскучило это топтание на месте. – Давайте фотографии посмотрим!

– Но сначала выпьем! – закричал Серега, размыкая руки, которыми он тесно прижимал к себе Ольгу. – За любовь!

Ему, похоже, идея жить в ново обретенном доме с любимой девушкой пришлась по сердцу.

Выпили за любовь. Затем из ящика комода были извлечены альбомы и все, рассевшись на диване, принялись листать их и рассматривать фотографии – старые и новые, черно-белые и цветные.

Любопытный Женька при этом то и дело тыкал пальцами в очередное фото и спрашивал: – А это кто (или «что»)? А это?

Сергей давал пояснения, но он знал далеко не всех, чьи лица были на снимках.

Но вот в руках у Женьки оказалось большое цветное фото подворья дома Остроуховых, выполненный съемкой со стороны калитки ограды. На ней был виден дом, окруженный плодовыми деревьями, на заднем плане – голубая ширь Оби, а сбоку фотографии виднелся расплывчатый случайно угодивший на снимок угол старого сарая.

– Это я фотографировал! – сказал Сергей. – В прошлом году!

– А это что? – спросил, тыкая пальцем в размытый край фотографии любопытный Женька. Он показывал на краешек угла сарая.

– Да это сарай! – досадливо ответил Серега. – Старый сарай во дворе!

– А что там, в сарае? – не унимался Кулек.

– Всякая старая дрянь, ара! – ответил ему Ваню.

А Сергей добавил:

– Я не знаю. Бабушка все время мне говорила: «Смотри, к сараю и близко не подходи!» Да его никогда и не открывали – там на воротах замок ржавый висит, наверное, еще прадед до революции повесил...

– А пойдемте посмотрим! – тут же предложил Женька. – Прямо сейчас! Что-то там ведь прятали, раз нельзя была в сарай заходить!

– Да у меня и ключа от этого замка нет... – принялся слабо сопротивляться Серега. – Давайте лучше выпьем! За любовь!

– Налэвай, конечно, выпьем, понимаешь! – поддержал Сергея Ваню. – И сразу в сарай пойдем!

Он сказал на чистом русском языке, обращаясь к Сереге:

– Замок – не проблема! Я, когда мы в дом заходили, в сенцах топор видел, так что с замком сейчас разберемся!

Уже через пять минут, наскоро выпив и закусив, кампания вывалила во двор, предвительно вооружившись фонарями. Впрочем, со столба у дома светил фонарь, но лампочка была слабой, и, конечно, не позволила бы ничего разглядеть внутри старого строения. Так что в руках у Женьки и Оли были фонарики, а Ваню нес в руке топор.

То, что сделал неожиданно Серега, можно было объяснить либо предчувствием, либо заложенной в генах еще от деда осторожностью и неким **знанием**. Знанием, недостаточным для того, чтобы остановить приятелей, но заставившим Сергея вернуться в дом со словами: «Ну, вы тут крушите, а я пойду пока приберусь в доме – стол почищу, посуду помою и вообще...

Грохот сбитого с проржавевших скоб воротин замка совпал с моментом, когда Сергей закрывал за собой дверь.

Он действительно собрал со стола и перемыл посуду, вытер залитую и запачканную вином и частицами пищи клеенку, потом зачем-то веником прошелся по полу зала. И только после этого вышел на крыльцо.

А во дворе было тихо. Над его головой лишь равнодушно светила слабым светом шестидесяти ваттная лампочка, а слева перед ним чернел зев открытого сарая, ворота входы в который были широко распахнуты.

Тишину нарушал лишь шепот протекающих справа внизу обрыва вод реки Оби.

Сергей обратил внимание, что были распахнуты и ворота ограды, открывая подъездную дорогу, которая вела к дому Остроуховых, стоявшего на середине проулка и изначально образующего тупик.

Почему-то на цыпочках Сергей осторожно приблизился к сараю и взглянул внутрь. Там было пусто.

Он сумел разглядеть лишь четыре столба, валяющиеся со всех сторон возле них доски и грудой лежавшую у стенки сарая старую полусгнившую мешковину.

И более ничего. **И никого.**

Все происшедшее в дальнейшем Сергей не смог бы объяснить и сам себе. Опять почему-то на цыпочках он зачем-то подошел и закрыл въездные ворота. Потом зашел в дом, собрал валяющиеся на диване альбомы с фотографиями и положил их на место – в ящик комода. И только после этого достал из кармана куртки мобильный телефон и позвонил в милицию.

И потом до приезда дежурного наряда Сергей сидел на ступенях крыльца и смотрел в темный зев по-прежнему открытых дверей сарая. А над ним равнодушно светил тусклый фонарь, к которому вскоре присоединилась выкатившаяся из-за дальней излучины Оби полная Луна, которая была сегодня, как показалось Сереге, какого-то зловещего багрового оттенка.

Серегу всего колотило. Хотя он не мог видеть, как Ваню сбил замок, как с восторженными криками все, сорвав мешковину, принялись сдирать старые доски со столбов и как внезапно замолчали при виде открывшегося им зрелища.

Под мешковиной оказался автомобиль. Шикарный новенький джип «Гранд-Чероки». «Ух ты...» – только и прошептала Оля, после чего открыла дверцу и взяв с сидения связку ключей, подняла ее над головой.

Женька помчался к ограде и, открыв створки въездных ворот, вернулся обратно.

Через несколько секунд троика уже сидела внутри приятно пахнущего новой кожей салона. Ваню вставил в замок зажигания ключ и повернул его...

Всего этого Сергей не видел. И тем не менее его трясло от ужаса. Словно на самом деле он воочию видел и это все, и то, что произошло следом за поворотом ключа...

Глава вторая

У калитки, прижавшись вплотную к ограде, стояла «канарейка» – ярко-желтого цвета милицмейская машина с синими проблесковыми маячками на крыше.

Прислонившись спиной к ее капоту, стоял и лениво покуривал сержант-водитель. Остальные члены экипажа были в доме.

– Значит, говоришь, трое друзей пропали? – в который раз задавал один и тот же вопрос капитан милиции в серой помятой курточке с орденом Мужества на груди. – А почему ты решил, что пропали? Ведь сам говоришь – ты зашел в дом, убрался в комнате, а когда вышел – друзей твоих во дворе не было, ворота были открыты – а раньше были закрыты, ты хорошо помнишь. Значит, кто-то ворота открыл, так? А кто, кроме твоих друзей, мог это сделать? Место здесь глухое, тупик, мимо никто проехать не мог. Значит, кто-то из вас ворота и открыл, открыл – и ушли твои друзья...

– Не могли они уйти! – упорно отвечал Серега. – Они пошли посмотреть, что в сарае, открыли сарай – вон ведь замок валяется!

– Ну, и дальше что? – спросил, закуривая, капитан. – Нет ведь ничего в сарае, ты же с нами вместе смотрел! Доски, тряпки... Все старое, сгнившее... Что такого особенного они могли найти в сарае, что после этого тайком, не предупредив хозяина, то есть – тебя, сбежали? Ты же говоришь, что сарай этот никто никогда не открывал? А почему, кстати?

Серега лишь уныло пожимал плечами.

– Не знаю я... Просто бабушка всегда говорила – к сараю и близко не подходи! А до этого – родители, когда мы здесь еще все жили... Тоже все время к этому сараю подходить не разрешали.

– А где сейчас твои родители, почему бабка завещала дом тебе?

– Так они за границу уехали. И давно там живут, возвращаться не собираются. Вот бабушка дом мне и отписала.

– Ладно. А что все-таки могло быть в сарае? Может быть, что-то ценное?

– Да откуда? – Сергей даже руками всплеснул. – Я в детстве столько раз подкрадывался и тихонько в щели стенок смотрел... Ну, если день солнечный, то можно было кое-что разглядеть – внутри куча какая-то была, мешковиной накрыта, я думал – сеновал. А вот сейчас столбы увидел, доски оторванные, а думаю, что не сено там было. Что-то, наверное, другое. Огороженное досками и накрытое тряпкой.

– Но что именно? – допытывался капитан. – Что это могло быть?

– Ну не знаю я! – Серега даже в знак убедительности шмыгнул носом. – Я же говорю – я в дом ушел! А ребята решили посмотреть, что в сарае, сбили замок, и наверное, что-то там нашли. А уйти они не могли – вы посмотрите, сколько у нас еще выпивки осталось! Да и девушка с ними была моя... Ну, что же, она ушла бы и не попрощалась?

– Логично... – капитан откинулся на спинку стула и задумался. – В этом деле одно мне непонятно – почему ты ушел в дом? Ну, когда твои дружки начали замок ломать?

Сереге почему-то не хотелось признаваться в своих недавних предчувствиях. И страхе, который он до сих пор почему-то испытывал при одной мысли о том, **что именно могло быть** в сарае. И что больше всего пугало парня, так это то обстоятельство, что он ведь представления не имел, что там находилось на самом деле, за досками и под мешковиной. Да и не мог иметь! Откуда? В живых он своего прадеда не застал, а судя по всему, именно прадед «запечатал» сарай и распорядился не трогать его. Но не расскажешь ведь всего этого связно этому капитану с усталым лицом. Он, поди, сегодня уже наездился по вызовам – известное дело, на пасху, почитай, все веселятся и пьют... Ну, и дерутся, конечно...

И Серега сказал – осторожно так, но постарался при этом быть убедительным:

– Так а чего мне там смотреть? Я ведь сто раз раньше заглядывал! Сено гнилое, что ли? Кто же знал, что там внутри еще один сарай из досок был сколочен...

– Так ты, Остроухов, считаешь, что ничего там особенного быть не могло?

– Ну, не знаю я, товарищ капитан! Только не могли просто так ребята уйти!

– Ладно, – капитан встал. – Поступим так. Оснований для начала розыска я не вижу – сам посуди, парень, ты ушел в дом – твои приятели остались во дворе. Ни криков, ни шума ты не слышал...

– Так ведь магнитофон играл, товарищ капитан! Я громкость убавил, но все равно...

– Не перебивай! Итак, шума ты не слышал. А до всего этого вы выпили... Сколько они выпили, сержант, сколько бутылок пустых?

Все это время стоявший у двери сержант посчитал составленные Сергеем у стенки возле двери пустые бутылки и сказал:

– Пять бутылок по ноль семь! Крепленого!

– Вот видишь? Пять бутылок крепленого вина по ноль семь литра! Так что вполне могли твои дружки спяну ничего за досками не найти, а от огорчения из-за пустой работы просто разойтись по домам. Не попрощавшись с тобой из-за разочарования – трудились, трудились, а там ничего и нет...

– Не могли они уйти! – продолжал бубнить Серега.

– Могли, не могли... – Капитан направился к двери. – Сделаем так, если ты их не найдешь – приходи через трое суток к нам в отделение, мы заявление от тебя примем и начнем искать, как пропавших. А сейчас, извини, я тебе ничем помочь не могу. Нет оснований, понимаешь? Двор мы осмотрели, подъездную дорогу к воротам – тоже. Сарай твой носом обнюхали – никаких следов! Понимаешь, вообще никаких! Нигде! Кого мы будем искать? Вот скажи!

– Так ребят... – Серега чуть не плакал.

– Мы и не отказываемся! Но раз нет преступления – значит, в силу вступает процедура розыска без вести пропавших! А розыск их начинают на четвертые сутки! Вот и приходи через три дня с заявлением!

И капитан, а за ним сержант вышли за дверь. И Серега вышел вслед за ними. Садясь в машину, капитан крикнул ему:

– Я думаю, найдутся твои друзья! Сами найдутся, без нашей помощи!

Капитан ошибался. Ни Оля, ни Ваню, ни Женька так и не нашлись. И в дежурной части милиции 26 апреля 2009 года приняли заявление Остроухова Сергея о пропаже его друзей – студентов.

Вслед за чем начался вялый поиск ребят, который так ни к чему и не привел...

Поэтому на пятый день, в субботу вечером Серега Остроухов начал собственные поиски. Он искал Олю.

Впрочем, пропажей трех молодых людей дело не ограничилось – это было лишь начало. И следующее событие заставило работников милиции взглянуть на исчезновения людей в Южносибирске по-иному.

Семья инженера турбинного завода Захлюстаева отдыхала в гостях у своих приятелей Юратыных.

Немного выпивали, конечно, но не так, чтобы очень. Утром нужно было идти на работу. Турбинный завод получил большой заказ от РАО ЕЭС, и начал разворачивать мощности. Про-

блем хватало, так что и инженер цеха сборки Иван Петрович Захлюстаев, и старший технолог цеха первичной комплектации Егор Федорович Юратын сильно уставали на работе. А если учесть, что приходилось работать и по субботам, да еще и – допоздна, то собрались отдохнуть обе семьи лишь в воскресенье ближе к вечеру.

Был день рождения жены Егора Федоровича – Евгении, так что Захлюстаевы – сам Иван Петрович, его жена Жанна Анатольевна и дети – восемнадцатилетняя Броня, студентка Южно-сибирского университета и девятилетний сын Петька в полном составе прибыли в гости к Юратыным.

Конечно, вручили подарки, цветы, перецеловались все, а потом, пока мужчины пошли курить на балкон, женщины принялись быстро накрывать на стол.

Что до Петьки – то тот сразу же сел за хозяйский компьютер (сын Юратыных Николай служил срочную в армии, так что компьютер был в полном распоряжении гостя) и принялся играть в интеллектуальную игру «Дум-дум» – пачками уничтожать чудовищ.

Мужчины покурили, потом вернулись в помещение, сели за стол и приняли «по маленькой» для сугрева. Тут же завязался разговор на производственные темы.

Женщины тем временем хлопотали по хозяйству. Втроем, Броня тоже помогала и по ходу информировала старшее поколение обо всем интересном, что произошло за последнее время в университете.

Бронислава была, что называется, тархтелка, она вылиwała информацию, как из ушата. Именно поэтому рассказ о том, что вот уже несколько дней, как пропали несколько студентов их университета, отмечавшие новоселье товарища в общей кампании и исчезнувшие прямо во время **мероприятия**, причем – бесследно, никого не заинтересовал. А вот информация о том, что в университете преподаватели берут взятки во время сдачи студентами сессии, живо затронула умы и сердца женщин – и Жанна Анатольевна, и Евгения Григорьевна принялись громко возмущаться коррупцией в среде ученых мужей.

Тем временем в духовке «поспела» утка, на отдельных блюдах были разложены ароматные аппетитные котлеты и картофельное пюре с топившимся на горке горячего картофеля куском сливочного масла, и после водруженной на середину стола аппетитной в светло-коричневой коже утки были налиты до краев рюмки и после произнесения поздравительного тоста выпита теперь уже официально первая.

Далее последовала вторая, третья, затем был за шиворот вытащен из-за стола с компьютером отбивающийся («Да не хочу я кушать!») Петька, которого усадили за стол и принялись потчевать вкуснятиной, причем не только родители, а вся компания... По ходу наливались и опустошались рюмки и бокалы. В общем, веселье шло по нарастающей, и завершилось на верхней точке затемно, то есть, когда было довольно поздно.

Семья Захлюстаевых возвращалась домой. Шли не спеша по улице Партизанской, шли, наслаждаясь запахами ранней в этом году весны.

Воздух был наполнен запахом набухших почек, на газонах зеленела травка, сверху приветливо светили фонари. Ничто не предвещало опасности, даже пьяных подростков не было в пределах видимости, когда семья вступила в темноту неосвещенного отрезка улицы. Должно быть, одновременно перегорели лампы на нескольких уличных фонарях, а может быть – оборвался провод.

Сбоку открылся темный зев проулка, заканчивающийся ограждением детского сада, темного в это время суток. И вдруг в проулке вспыхнули фары автомобиля, ярко осветившие четыре фигуры, вынужденных прикрыть глаза ладонями от яркого света.

Захлюстаевы быстро пробежали через выезд из проулка и пошли себе дальше. Но их тут же догнал вывернувшийся на улицу и покотивший следом за ними автомобиль. Поравнявшись с семьей, автомобиль остановился, его дверцы приветливо распахнулись как бы прямо

перед оторопевшими Захлюстаевыми и все четверо, словно бы это само собой разумелось, совершенно неожиданно для себя сели в просторный салон колесного механизма.

Дверцы тут же захлопнулись, мотор заурчал и автомобиль, набирая скорость, понесся вперед...

– х-х-х-х-х-х-х-х-х-х-х-

Первое, что сделал Серега после того, как отнес заявление в милицию – это обзвонил по телефону всех подружек Оли, которых знал, потом обошел немногочисленных Олиных родственников, с которыми его успела познакомить девушка.

Оля после исчезновения ни у кого из них не появлялась.

Тогда Сергей направился на железнодорожный вокзал и сел на электричку, направляющуюся в сторону поселка Сальменка. В Сальменском районе в селе Озерном жили родители Оли.

Телефонной связи с этим местом не было – мобильная сеть здесь пока не действовала. Так что узнать что-то можно было только приехав сюда.

Серега сидел в вагоне, который, покачиваясь, быстро катил мимо стен сосен, с обеих сторон окаймляющих железнодорожную линию. И думал – что же произошло несколько дней назад во дворе его нового дома?

Он, кстати, ни разу в этом доме после того вечера и не был – оставался в общежитии. Что-то мешало ему переселиться туда, где, как он был уверен, произошло что-то страшное.

Высидевшись на перроне вокзала Сальменки, Сергей на привокзальной площади сел на автобус, который и довез его через полтора часа до Озерного.

Родителей Оли Сергей знал – они приезжали как-то в Южносибирск, проведать дочку. Так что ему обрадовались, провели в дом и первым вопросом было – а чего он приехал один? Или Оля встретила кого-нибудь из подружек и остановилась поболтать?

К чести Сереги, он сумел сориентироваться и правильно повести себя – сказал, что Оля сдает «хвосты» зимней сессии, а его попросила съездить в Озерное за продуктами.

– Тебя родители знают, и сессию ты сдал всю, так что поезжай, а я им письмо напишу, что ты приедешь. Ну, вот я и... – вдохновенно врал Серега, а у самого сердце сжималось от ужаса. Только теперь он вдруг осознал, что, может быть, никогда никого из них больше не увидит – ни Женьку, ни Ваню, ни Олю... Оленьку...

Никакого письма родители, конечно, не получали. Но посылку дочери собрали. И хотя заранее продукты родители Оли не готовили, кое-что они на скорую руку сообразили. Немного мяса, пару банок с соленьями, ведро картошки. Подивились, что Сергей приехал без сумки или рюкзака, нашли пару старых авосек и набили их доверху.

Ночевать Сергей отказался.

Глава третья

На следующий день к технологу Юратыну, который вынужден был бегать из одного конца своего цеха комплектации в другой и обратно, подошел начальник сборочного цеха, в котором работал Иван Петрович Захлюстаев. И спросил технолога, не знает ли он, почему сегодня на работу не вышел его дружок.

– Вы ведь вчера отмечали день рождения твоей жены, а, Егор Фомич? – говорил начальник сборочного. – Что, так сильно перебрали?

– Да нет, нормально вчера они ушли, – ответил Егор Федорович, подразумевая под словом «они» всю семью Захлюстаева. – И выпили мы немного...

– А чего ж тогда... И домашний телефон не отвечает – я сразу после восьми утра звонил...

– Как – не отвечает? – заволновался Егор Федорович. – У него сын – Петька, во вторую смену в школу ходит! И дочь в университет почти всегда уходит часов в девять, не раньше!

– Ну, не знаю... Прогул я ему ставить, конечно, не буду, но ты сегодня же его разыщи и пусть он мне дозвонится домой! Если заболел или еще что там случилось... В общем, если завтра его на работе не будет – я докладную пишу главному инженеру! Ты же знаешь – у нас заказ РАО! Каждый человек на счету!

– Хорошо, хорошо... – Егор Федорович уже и сам решил сразу же после окончания смены проехать не к себе домой, а к Захлюстаевым. И все выяснить досконально...

Нужно сказать, что при работе по заявлению Остроухова работники милиции не проявили особого рвения – чего там, трое студентов исчезли несколько дней назад... Да собрали, например, рюкзаки и ушли в сосновый бор. Палатки разбили, и живут себе на природе.

Или и того проще – завалились к какому-нибудь приятелю в гости и пьют горячительные напитки который день, не просыхая.

На занятия не ходят? Так и что? К сессии появятся, известное дело – от сессии до сессии живут студенты весело. А сессия – что? Правильно, всего два раза в год, и ближайшая – только через месяц-два...

Но вот после того, как была вскрыта квартира Захлюстаевых... Это дело об исчезновении целой семьи сразу же привлекло к себе нешуточное внимание.

На вскрытии двери квартиры настоял Юратын. Когда после работы он приехал к своему другу и никого не обнаружил к нему дома, то вышел во двор и осмотрел окна квартиры. Для этого он обошел весь дом – комнаты жилья Захлюстаевых выходили на обе стороны пятиэтажки.

Было уже темно, и все окна также оказались темными.

Егор Федорович долго звонил в дверь, ничего не добился и принялся ходить по подъезду и расспрашивать соседей Захлюстаевых – не слышал ли кто-нибудь из них вчера часов около двенадцати ночи шума в подъезде – разговоров, смеха.

Егор Федорович совершенно справедливо полагал, что возвращения подвыпившей семьи друга не могли не услышать в столь позднее время – тихо ведь уже, а слышимость в панельных домах еще та...

Однако никто ничего не слышал. Более того, один из соседей, прогуливающий собаку возле дома, именно в это время стоял у подъезда, курил и следил, как его такса бегала по двору.

Захлюстаевых он прекрасно знал, и уверенно сказал, что вчера вечером они мимо него не проходили. Ну, не мог он не заметить, как целая семья прошла мимо в подъезд.

Кроме того, они всегда здоровались с ним, так что... В общем, исключено, что вчера около одиннадцати Захлюстаевы вернулись домой.

И Егор Федорович побежал в ближайшее отделение милиции. Он уже понял, что с семьей его друга что-то случилось – ведь Иван Петрович вдобавок на работу сегодня не вышел! И Юратьев настоял на вскрытии квартиры.

Не смотря на поздний час, местный участковый инспектор, оказавшийся в отделении (он после окончания рабочего дня как раз сдавал табельное оружие) быстро разыскал и представителя ЖЭУ, и слесаря и вскоре все они оказались внутри квартиры Захлюстаевых.

Где и получили доказательства того, что никто из пропавших домой после дня рождения не возвращался – во всех трех комнатах царил атмосфера, характерная для торопливых сборов перед походом в гости,

В спальне Захлюстаевых на семейной постели лежали два скомканных платья – как видно, из числа тех, что негодились накануне Жанне Анатольевне. Было разбросано также нижнее белье.

В комнате детей всё также свидетельствовало, что здесь собирались к торжественному выходу. Дверца шифоньера была открыта, валялись куски обертки, которая использовалась, чтобы завернуть в нее подарок имениннице – обертку прекрасно запомнил Егор Федорович. Ведь его жена Жанна при всех разворачивала подарок...

Да и тапочки в прихожей... Они не стояли у угла, а беспорядочно валялись, разбросанные по всему полу.

Так что все свидетельствовало, что Захлюстаевы домой со дня рождения не возвращались.

Но уйти-то ведь они от Юратьевых ушли! Значит, что-то случилось с ними по пути домой.

Так что следующий день для милиции города начался неприятно.

– Что это такое у вас происходит? – во время утреннего селекторного совещания вопрошал у милиции всего города и края заместитель начальника краевого УВД генерал Заволокин. – Что это за исчезновения такие – целая семья шла по улице в центре города – и вдруг бесследно испарилась! Егор Кузьмич, доложите!

Подполковник Егор Кузьмич Рыжков, начальник Центрального райотдела милиции (именно на территории Центрального района города произошло исчезновение Захлюстаевых) ответил сдержанно:

– Работаем, товарищ генерал, уже вышли сотрудники, с раннего утра прорабатываем маршрут вероятного пути исчезнувших! Бродяг, собачников, всех, кто возвращается поздно с работы – опрашиваем, не мог ли кто из них что-то видеть! И одновременно весь патрульно-постовой состав отправлен на обследование прилегающей территории – берег Сибири, заросли, гаражи, недостроенные здания вокруг – охвачено все!

– Ну, и какие результаты? – голос генерала слегка сбавил обороты и как бы помягчел.

– Ну, какие, Иван Сергеевич? – ответил Рыжков. – Мы ведь почти ночью сегодня получили информацию о вероятном исчезновении. Вот с утра и начали работу...

– Как только что-то будет – сразу докладывать мне! В приемную сегодня уже звонил директор турбинного завода. Наверняка и в мэрию позвонит, так что покоя теперь не будет. И вот что – это касается всех райотделов Южносибирска и прилегающих сельских районов. Информация обо всех случаях подобного исчезновения – чтобы сегодня до обеда была у меня в приемной!

– А каких именно, товарищ генерал? – Это включился в диалог начальник прилегающего к Южносибирску Заволокинского райотдела милиции. По каким признакам выбирать случаи исчезновений?

– Признак один – абсолютная немотивация! То есть люди были на улице и без всяких причин бесследно исчезли! Ну-ка, сразу, навскидку, у кого на территории было что-то похожее?

В селекторе зашуршало – в их разговор вклинивался кто-то еще. Это был начальник Октябрьского райотдела города полковник Шуйкин.

– У нас несколько дней назад исчезли, возможно, при похожих обстоятельствах группа студентов. Но это – в другой части города, да и обстоятельства исчезновения... В общем, докладываю – из двора дома номер один по адресу 3-й Речной тупик примерно в такое же время, то есть около 23-х часов, пропали три студента – два парня и девушка. Отмечали одновременно пасху и новоселье, вышли во двор – и как будто испарились. Заявитель – хозяин дома, тоже студент, он один в это время оставался в доме. Мы, правда, значения не придавали особого – ну, мало ли – выпили, ударило в голову – взяли, да и пошли к какому-нибудь Кольке или Петьке, у него «допивать»! И сидят до сих пор!

– Так может быть, так оно и есть? – слышно было, как генерал Заволокин щелкнул зажигалкой, прикуривая.

– Да мы так и думали, Иван Сергеевич! Ну, и выжидали... В основном, поисками занимался четвертый оставшийся студент. Хозяин дома, Сергей Остроухов.

– А он не мог иметь отношения к исчезновению?

– Да нет, не похоже на это, товарищ генерал! Среди пропавших – его девушка, а в университете говорят, что они вроде пожениться собирались. Следов в доме и во дворе тоже подозрительных нет...

– А почему считаете, что случай схожий? Может быть, действительно, сидят где-нибудь, пьют – ведь студенты, мало ли случаев?

– Да вот доводы Остроухова смущают! Выпили они не так уж много – ну, по пол-литре обычного вина на нос! Чего же ушли, не попрощавшись, не сказав ничего парню, да наконец – просто не позвав его собой? И еще – у них оставалось в доме Остроухова еще полно выпивки, закуски, так что вроде незачем было куда-то идти...

– Значит, общее лишь одно – никаких мотивов... – генерал помолчал. – Выход у нас один – искать свидетелей! Время – двадцать три часа – это не то время, когда все уже спят! Всегда кто-то что-то видел, слышал, нужно только этих людей разыскать и правильно их спрашивать! Так, чтобы они вспомнили то, что, возможно, и не бросилось им тогда в глаза! Ладно, пошли дальше! Что у нас по убийству золотоискателей в Катунском районе?

...И селекторное совещание побрело по накатанному каждый день пути. Возможно, упоминания полковник Шуйкин об настежь открытом сарае в подворье дома №1 по 3-му Речному тупику, генерал бы и насторожился – хотя... Ну, а что открытый сарай, ведь не было в нем никаких подозрительных предметов или каких-то следов... Не было ведь!

Но на всякий случай Шуйкин приказал создать опергруппу из двух сотрудников, которые должны были заниматься только розыском пропавших студентов. И о результатах докладывать ему ежедневно.

– **х-х-х-х-х-х-х-х-х-х**

Станислав Владимирович Дедюхин, 69-летний доцент местного учительского института, любил вместе с женой Альбиной Афанасьевной, ныне – находящейся на отдыхе 65-летней бывшей преподавательнице этого же института, прогуляться по набережной Оби возле речного вокзала.

Если совместить координаты вокзала и места исчезновения семьи Захлюстаевых, то они находились не так уж и далеко друг от друга – их разделяет несколько улиц и река Сибирка, как раз невдалеке от речного вокзала впадающая в Обь.

Вот именно по мосту через Сибирку, в направлении набережной и любила гулять чета Дедюхиных. Часов до девяти-десяти вечера Станислав Владимирович сидел над лекциями и учебниками – готовился к занятиями со студентами, которые предстояло проводить на следующий день. А после сидения за столом, перед сном, он с супругой обязательно гулял пару часов.

Особенно – весной и летом.

Кто-то скажет – ну, чего ты, автор, «гонишь»? Да у преподавателя с таким стажем давным-давно все лекции написаны, сто раз прочитаны и отработаны и проверены до каждого слова. Чего это ему каждый день допоздна сидеть готовиться к занятиям?

Вы правы, читатель, обычно так и есть. Но Станислав Владимирович когда-то много лет назад взял за правило готовиться к занятиям каждый день. Он справедливо считал, что жизнь меняется необычайно быстро, поток новой информации нарастает с каждым днем, а потому лекции (да и источники к семинарским занятиям) должны обновляться постоянно.

И много лет он неукоснительно делал это. И потому, наверное, его очень любили студенты.

Последний год он стал прихварывать, быстро уставал, и потому времени на подготовку ему требовалось все больше, а гулять с женой он выходил все позже.

Стояла уже почти что середина мая, вечер был теплым. Горьковато пахло первыми распустившимися листочками берез, которыми был обсажен центральный проспект Южносибирска – Ленинский. Именно по этому проспекту и двигались в данный момент неспешно Станислав Владимирович и Альбина Афанасьевна.

– Тебе пора снова обследоваться, – негромко говорила Альбина Афанасьевна мужу. – Что-то ты выглядишь последние дни не очень...

– Чуть позже, Аля! – отвечал ей муж. – После летней сессии – сразу же лягу на обследование!

Вокруг было пусто и тихо.

Вот, негромко переговариваясь, они дошли до улицы Льва Толстого и свернули направо. Их дом был недалеко – метрах в пятидесяти от пересечения улицы Толстого – и Ленинского проспекта.

В это время сзади них послышался негромкий рокот вполсилы работающего мощного автомобильного мотора, на который престарелая чета не обратила внимания. Но автомобиль обратил на себя внимание сам – подъехал сзади, и когда поравнялся с супружеской парой – остановился и как бы самостоятельно распахнул обе дверцы. Прямо перед Станиславом Владимировичем и Альбиной Афанасьевой.

Пожилые люди, всегда очень осторожные (жизненный опыт, знаете ли!) почему-то захотели сесть внутрь приветливо светившего огоньками панели управления автомобиля.

И сели. Хотя до дома им оставалось идти ну, не более пяти минут!

Автомобиль между тем заурчал и понесся вперед. Минувя, в частности, и дом, в котором много лет проживала чета Дедюхиных...

На следующее утро в дежурную часть Центрального райотдела милиции пришла с заявлением об исчезновении дедушки и бабушки внука Дедюхиных – Светлана...

Глава четвертая

В Октябрьском райотделе группу по розыску пропавших студентов возглавил капитан Сивыч – оперуполномоченный угрозыска, постоянно занимающийся поиском пропавших без вести. Сорока лет, седоголовый крепыш с маленькими глазками-буравчиками, он был известен всем как человек пусть и небольшого ума, но хваткий и упорный – если он намечал цель, то шел к ее достижению не взирая на препятствия, и как правило, добивался своего. Вообще-то именно такой человек и должен заниматься розыском пропавших без вести – в этой работе незаменимы такие качества, как терпение и упорство.

Кроме него, в специальную опергруппу был отряжен лейтенант Саранцев – недавний выпускник милицейской школы, человек без особого опыта работы, но с большими претензиями – окончив школу с красным дипломом, он надеялся сделать успешную карьеру, а для этого нужно было начинать работу в милиции «на земле» – в то есть рядовым опером в районном отделении.

Худощавый, быстрый в движениях, он был черноволосым и черноглазым, всегда улыбался и совсем не удивился, когда начальник отделения уголовного розыска сообщил ему о направлении под командование Сивыча.

– Искать студентов, так искать! – бодро отрапортовал он и отправился в кабинет капитана. Где и получил первое задание – совершить подворный обход и опросить по возможности всех до единого соседей, проживающих в домах 3-го Речного тупика.

Задание лишь казалось сложным. А на самом деле по обеим сторонам 3-го Тупика было всего лишь восемь домов – весь тупик, упирающийся, как уже упоминалось ранее, как раз в ворота подворья Остроухова, был протяженностью не более 100 метров.

С первого дня начала службы в отделе милиции Саранцев недостаток опыта старался компенсировать тщательностью работы и скрупулёзностью в выполнении любого задания. И сейчас он поступил так же – сначала он обошел все восемь дворов в первой половине дня, побеседовав с теми жильцами, кто был дома.

Затем повторил обход во второй половине дня. И закончил работу уже около 21 часа, завершив обход в третий раз и поговорив со всеми жильцами домов, расположенных по 3-му Речному тупику. Включая Сергея Остроухова, который как раз в этот день все же решил перебраться в свой новый дом.

Начал свое житие Сергей, между прочим, с того, что крепко-накрепко забил двери старого сарая двумя длинными прибитыми крест-накрест досками. Лейтенант Саранцев как раз и застал нового владельца дома №1 за этим занятием – Остроухов ожесточенно вбивал последние большие гвозди в обе доски на сарае.

– Вот так будет поспокойнее... – бормотал парень, спиной отступая от потемневшего от времени бревенчатого строения и любуясь при этом результатами своих трудов.

И вот как раз эти слова и услышал входивший в калитку Саранцев. И прямо-таки, словно клещ, тут же впился в Сергея с расспросами:

– Что вы имеете в виду, под этим «поспокойнее»? – спросил он перепугавшегося от неожиданного появления лейтенанта парня. – Чем это вас сарай беспокоит?

– Да это я так, к слову... – густо покраснел Серега.

– Ну, а все-таки? Раз вы говорите «поспокойнее», значит, открытый сарай вас чем-то беспокоит? Чем? Ведь что-то вас заставило так сказать? И сарай вы вон как надежно заколотили? Так что же вас так беспокоит?

Скорее всего, небольшая разница в возрасте и добродушная улыбка на лице лейтенанта разговорили Серегу. И он, захлебываясь, выложил лейтенанту все, о чем умолчал раньше при беседах с работниками милиции.

– Тогда, когда ребята собрались сломать дверь сарая и посмотреть, что там внутри, я испугался. И поэтому не остался с ними, а вернулся в дом.

– Чего же вы испугались? Вы же говорили, что никогда не заходили в сарай!

– Вот этого, наверное, и испугался... – Серега замялся. – Понимаете, я раньше ведь не задумывался, почему мне всегда запрещали даже подходить к сараю? И маме с папой тоже – папа рассказывал, что когда он был маленький, ему дед наш Кузьма – он умер сразу после Отечественной войны, тоже запрещал к сараю подходить. А когда папа спрашивал – что там внутри сарая, дедушка отмалчивался – не говорил ничего. Это мне папа уже рассказывал. И я ведь раньше никогда не задумывался, что же там такое может быть, в этом сарае? А когда ребята собрались в сарай войти – что-то как будто толкнуло меня, заставило уйти...

– Что же, по-вашему, там могло быть? – Саранцев закурил и с наслаждением стал полной грудью вдыхать свежий речной вперемешку с табачным дымом воздух. – Ну, если подумать – что?

Серега лишь яростно замотал головой.

– Не знаю... Ума не приложу! Я перед тем, как двери забить, все тщательно еще раз осмотрел. И вспомнил, что в детстве заглядывал в щели стенки сарая. И видел там что-то накрытое мешковиной. Я всегда думал, что это – куча сена. А вот сегодня... Если учесть расстояние между столбами, длину досок, которые были прибиты к столбам, и величина мешковины... Понимаете, получается, что там было спрятано что-то большое. Длиной метра три-четыре, и шириной метра два. Ну, а высота... Все столбы высотой метра два... Вот примерно, такого размерам... А что это могло быть – я не знаю. Ну, вот честное слово – понятия не имею!

– Да... – раздумчиво сказал Саранцев, – загадка озера Лох-Несс. Что-то страшное, а что – никто не знает. И даже – есть ли оно, это страшное, или ничего подобного нет и в помине, а есть выдумки людей.

И, подумав, дал Сергею совет. Сам не подозревая, что тем самым приблизит разгадку всей этой истории:

– Ты покопайся в старых бумагах. Может быть, что-то от деда осталось – дневники какие-нибудь, письма... Фотографии посмотри старые. Тебе ведь нужно будет дом в порядок приводить, под себя его обустраивать. Так ты не торопись все старье выбрасывать, перебери перед этим его потщательнее – может быть, какой-нибудь следок и отыщется. Намек на что-то хотя бы...

Вот с этого вечера Сергей и начал копаться в старых бумагах, фотографиях, которые не попали в альбомы. Он листал старые ученические тетради своего отца, перебирал пачки пожелтевших бумаг с выцветшими чернильными буквами, которые перетащил с чердака в дом. Он тщательно осмотрел все ящики комода и выгреб из него все.

Работа ему предстояла немалая... Если учесть груды старого хлама, которые Сереге предстояло обследовать.

Лейтенант Саранцев наутро докладывал капитану Сивычу:

– Закончил я обход, Сан Саныч. Никто ничего не слышал и не видел. Остроухов, правда, сарай свой намертво заколотил. Говорит, что чего-то боится – а вот чего конкретно, как я не пытался, он так ничего и не сказал. Вообще этот его страх скорее следствие воображения...

– Это с чего ты взял?

– Ну, он рассуждает так. Раз и его отцу с раннего детства запрещалось подходить к этому сараю, и самому Сергею бабушка запрещала, значит, там было что-то опасное. И большое – он

там постоял, прикинул высоту столбов, длину досок, которые были прибиты к столбам, площадь мешковины, укрывавшей все это сооружение... Получается что-то действительно крупное...

– Ну у этого парня есть хоть какие-то догадки, что это может быть?

– Да в том-то и дело, что никаких!

Сивыч закурил и сказал, стряхивая кончик сигареты в пепельницу:

– Я ведь сам осматривал этот сарай дважды. Обнюхал его буквально, и ничего не нашел! Никаких следов, ну, вообще ничего! Столбы, доски рядом, полусгнившая мешковина. Всё! Ни на земле внутри сарая, ни возле него, во дворе – ничего, ни следочка! Земля сухая, во дворе трава уже зеленая пробилась... Ну, а соседи? Неужели вообще ничего не видели?

– Видел! Мальчишка одиннадцатилетний, в пятом классе учится! Говорит, что в тот день где-то в одиннадцать часов ночи его погнали спать, ну, он, чтобы время оттянуть, предложил вынести мусор. Вышел во двор, оттуда – на улицу, мусорный контейнер стоит у соседнего дома. На улице было пусто и тихо, он уверен. Потом он вывалил мусор в контейнер, вернулся к своей калитке, вошел во двор и вот тут услышал шум мотора машины. Он говорит, что обернулся и увидел красные огни стоп сигнала джипа «Гранд Чероки», который уезжал по улице Прибрежной – от нее и отходит 3-й Речной тупик. Вот смотрите...

Лейтенант взял чистый лист бумаги и быстро набросал на нем карандашом схему.

– Дом, где живет мальчик – угловой, адрес 3-й Речной тупик, №8. А по Прибрежной улице это дом №38. Угловой дом. Так вот, когда Олежка – это так мальчика зовут – обернулся, заднюю часть джипа с красными огнями он увидел на улице Прибрежной. Джип шел вниз, в направлении центральной части города. Так что имеет он отношение к нашему делу, или не имеет – понять невозможно. Тупик имеет глинистую почву, она уже высохла, и на ней невозможно разобрать никакие следы. Правда, Олежек этот уверен, что машина вывернула именно из их тупика.

– Но он этого не видел?

– Не видел! Но говорит, что уверен!

– А как он марку машины узнал?

Саранцев рассмеялся.

– А вот тут мальчик вряд ли ошибается. Он собирает коллекцию моделей автомобилей. И в коллекции у него есть также и джип «Гранд Чероки».

– А цвет? Какого цвета была та машина?

– Темного, он говорит. Модель не позднее чем трехлетней давности выпуска. А точнее... Ночь ведь была!

Поиски свидетелей, которые могли что-нибудь заметить в момент исчезновения семьи Захлюстаевых, велись гораздо более интенсивно в Центральном районе города. Ведь здесь возможности работников милиции, задействованных в поисках, были гораздо большими, так как район хотя и ограничивался с одной стороны речкой Сибиркой с ее развалинами строений, местами стихийных неорганизованных свалок мусора и зарослями кустарникового клена, но относился все-таки к центру города. Плотность застройки и количество населения в этой части города здесь было огромным.

Правда, время происшествия – около полночи – характеризовалось безлюдьем, но все-таки точки приложения для организации поиска были. Ведь в таких микрорайонах всегда кто-то гуляет с собакой, кто-то возвращается поздно с работы, наконец, нельзя забывать о молодежи, которую в мае – месяце весеннем и частенько уже по-летнему теплом, допоздна не загонишь домой.

Но в случае с исчезновением Захлюстаевых свидетели отыскивались совсем в иной социальной среде.

На территории детского сада, расположенного в глубине домов (именно от него отъехала в злополучную ночь непонятная автомашина) как раз в тот вечер расположились для распития винца группа бомжей – лиц без определенного места жительства и работы. Иногда их называют бродягами.

Было их трое – Витя, Коля и Надя – выпивали и закусывали они долго, и разморило их так, что они устроились здесь же и на всю ночь – то есть закутались в свое грязное тряпье и наладились спать до утра на скамеечках детской беседки.

Беседка располагалась невдалеке от входа в садик и подъездной дорожки, заканчивающейся у входа. А начиналась она от улицы Партизанской, именно с того места, где несколько ночей назад семья Захлюстаевых встретила с новеньким черным джипом.

Не скажем, что работники милиции, проводившие поквартирные и подворные обходы, наткнулись на Надю с Витей и Колей сразу. Нет, ведь днем бомжи как бы растворяются в городском многолюдье и становятся незаметными. Мы все за последние двадцать лет так к ним привыкли, что не замечаем их. Не обращаем на них внимания, как не видим стоящие вокруг деревья, урны или многочисленные рекламные вывески.

Так что работа милиционеров, проведенная в течение дня, оказалась безуспешной. Но с наступлением вечера Витя, Коля и Надя пришли на свое привычное место – в беседку детского сада, ставшего им столь же родным, как детишкам – законным обитателем этого воспитательного учреждения. Тем, которых каждое утро мамы и папы приводили в садик, а после 18 часов – забирали.

Здесь бомжей и прихватили работники милиции. Вот эта троица и рассказала кое-что весьма интересное.

Точнее, рассказала Надя, которая лежала на лавочке лицом к ограде сада и въезду в него. Виден ей был и выезд на улицу Партизанскую.

Витя и Коля устроились спать на скамеечках, что были напротив Надиной, то есть к месту, интересовавшему милиционеров спинами. И все-таки они также кое-что смогли подтвердить – из сказанного Надей.

Надя же рассказала, что в интересующую работников милиции ночь действительно открыла глаза, когда невдалеке прошла по улице Партизанской семья из нескольких человек. Она не запомнила, сколько и кто именно – была выпивши, да и прикемарилась слегка – ее заставили открыть глаза разговор и смех шедших по улице подвыпивших Захлюстаевых.

– Ну, а дальше что было? – допытывался усатый полноватый майор, руководивший группой, проводившей обход этого участка района. – Что было потом, как ты глаза открыла и все увидела?

– Так в машину они сели! – ответила Надя. – Большая машина подъехала отсюда, повернула и остановилась возле них. Они сели в машину и уехали. Туда, в сторону Ленинского проспекта!

– А машина откуда ехала? – допытывался майор. – В какую сторону? В сторону Ленинского проспекта?

– Нет! — удивленно ответила Надя. – От нас она ехала – да вот у калитки стояла! Носом к улице!

– Чё ты гонишь? – возмутился Коля. – Чё гонишь-то? Не было у калитки никакой машины! И когда мы ели, и спать ложились – не было ведь ничего у калитки?

– Не-ее, Колян! – вмешался в разговор Витя. – Я тоже видел – когда мы уже спать легли, я ворочался, пристроиться все никак не мог, потом встал и вон к тому кусту пошел. Ну это, гражданин майор, пописать захотелось. И когда возвращался – точно! Стояла задом к нам, прям, кажись, у калитки вроде бы черная машина.

– А как она подъехала? – допытывался майор. – Откуда взялась-то?

Тут Витя пожал плечами и ответил:

– Не знаю, гражданин майор! Что стояла машина – это точно, сам видел, так что Надька не врет. А вот когда, откуда и как подъехала – я не видел и не слышал.

– Ну, а вы? – обратился к двум остальным майор. – Вы же не могли не слышать шум мотора?

– Вроде должны были бы... – согласились все три бомжа, – но мотора не слышали.

– Так! – вскоре сказал майор, которому надоели все эти путанные объяснения. – Давайте еще раз пройдемся по фактам. Вы сидели и выпивали дотемна, так?

– Так! – в один голос согласилась троица.

– Позднее, когда укладывались на лавочках, когда засыпали, ничего не видели и не слышали?

– Так я же говорю, – горячо подхватила Надя, – пока меня не разбудили эти, которые по Партизанской шли, тихо было! Может, и еще кто по улице проходил, но не слышали мы!

– Нет, ну а чего, гражданин майор, – перебил ее Коля. – Вон же, проем на улице – узкий, прохожий проскакивает, его и увидеть не успеваешь... И не услышишь...

– А тогда как же ты смогла разглядеть, что эти, что разбудили тебя, в машину сели? – спросил майор Надю.

– Так а вон, видите? Посреди дома – арка, через нее улицу видно. Вот там они в машину и садились! Они смеялись, напротив нас прошли по улице и сразу мотор заработал и машина эта поехала, за ними повернула и как раз сквозь арку было видно, что эти, с пацаном которые, в машину сели. И уехала машина сразу!

– Точно, как мотор заработал – это и я слышал! – сказал Коля. – Но я не поворачивался, хорошо так прикемарил...

– Ладно, – вернулся к основной линии майор. – Значит, когда вы спать ложились – машины еще не было?

– Не было! – в голос ответили все трое бомжей.

– Так откуда она взялась? – повысил голос майор. – Не вручную же ее подкатили? Бесшумно?

Трое бомжей переглянулись и молча пожали плечами.

– Ладно, – сказал устало майор. – Ну, а сколько времени прошло между тем моментом, когда вы легли спать – и временем, когда ты (майор ткнул пальцем в сторону Вити) пошел к кусту отлить?

– Так а кто ж его знает... – ответил Витя. – У нас часов-то ни у кого нет... Да и зачем нам часы-то?

– А когда ты встал – машина уже стояла у садика?

– Не заметил я, гражданин майор! – Витя почесал кудлатую немытую голову. – Я ведь спиной шел к калитке! А когда назад шел – машина точно стояла! Я хорошо помню – она свет в проезде загораживала! Так что – уже была!

– Ладно! А кто в машине был? Ну, может выходил из машины, или когда дверцы открывались и семья внутрь садилась – не заметили?

– Нет! Кто в машине был – не видели! – клятвенно заверили бродяги.

– Ну, может быть номер машины разглядели? – с надеждой спросил майор.

– Да откуда? – удивились все трое. – Вы гляньте, темно у калитки как!

Майор всмотрелся (а беседа эта происходила как раз в беседке, где выпивали и ночевали бродяги) и убедился – рассмотреть задний номер автомашины бомжи действительно не могли – мешала темнота и частота реек ограды садика.

На следующее утро на селекторном совещании милиции края начальник Центрального райотдела милиции так и доложил проводившему совещание генералу Заволокину:

– На сегодняшний день точно установлено – Захлюстаевы сели в автомашину джип темного цвета возле дома 133 по улице Партизанской. Машина затем поехала в сторону Ленинского проспекта. И здесь следы теряются. Ленинский проспект оживленный круглые сутки, искать здесь вывернувшую с улицы Партизанской, либо пересекавшую в конкретное время проспект автомашину бесполезно.

– А что по студентам из 3-го Речного тупика? – спросил генерал. – Октябрьский отдел, доложите!

– На связи полковник Шуйкин, – сквозь шорох селекторной связи зазвучал голос начальника Октябрьского отдела. – А вы знаете, товарищ генерал, в результате наших поисков появился также черного цвета джип «Гранд Чероки»! Правда, не установлено, может ли он иметь отношение к исчезновению студентов, но в свете результатов поиска соседей...

Шуйкин имел в виду соседний райотдел милиции – Центральный.

– Доложите подробнее! – потребовал генерал Заволокин.

– Мальчик из соседнего дома, товарищ генерал, выносил мусор примерно в то время, когда предположительно исчезли студенты. Так вот, наш тупик – не Ленинский проспект. Там сутками не появляются автомашины. Мальчишка уверен – когда он нес ведро с мусором к контейнеру и пересек при этом тупик – он был пуст. А когда вернулся к себе во двор – то услышал за спиной шум мотора автомашины, обернулся и успел увидеть заднюю часть джипа «Гранд Чероки», который свернул на улицу Прибрежную и поехал в сторону центра города.

– А почему он считает, что джип вывернул именно из его тупика?

– Так он сначала услышал шум мотора проезжавшей за спиной машины! **За своей спиной**, товарищ генерал! Ну не мог он не разобрать, Иван Сергеевич, по шуму-то, в ночной тишине – прямо за спиной, по тупику прошла машина, или сбоку, по Прибрежной!

– Убедительно... – генерал помолчал пару секунд. – А откуда такая уверенность в определении марки машины? Ночь ведь была!

– Тут нам просто повезло, Иван Сергеевич! Мальчик этот собирает модели легковых автомашин и интересуется марками, странами выпуска, ну, и прочим в этом роде! И он уверенно говорит – был именно джип «Гранд Чероки»!

– Резюмируем! – генерал вновь помолчал, собираясь с мыслями. – Есть факты исчезновения людей – причем исчезают люди группами! И есть факт появления каждый раз в этот момент в предполагаемом месте исчезновения некоего автомобиля-джипа темного цвета. Все! Больше ни фактов, ни догадок – куда подевались исчезнувшие, у нас нет! Значит – искать всем! Любую информацию, где фигурируют появление и исчезновение людей, странные темные джипы – все проверять! Свяжитесь с соседними областями, дайте ориентировку с описанием пропавших людей и этого чертового автомобиля! Не может бесследно исчезнуть такое количество людей!

Глава пятая

Группа майора Мерешкина, обнаружившая ценных свидетелей в лице трех бомжей, была не единственной из специальных оперативных групп Центрального райотдела милиции, работавших в тот же день по делу об исчезновении людей на территории района.

Одна из групп, возглавляемая заместителем начальника райотдела майором Терёшиным, работала в округе дома, в котором проживали до своего исчезновения чета Дедюхиных – Станислав Владимирович и Альбина Афанасьевна.

Их внучка – Светлана, которая жила с Дедюхиными и училась в том же учительском институте, в котором преподавал ее дедушка, как раз и была тем человеком, который поднял шум по поводу исчезновения, а на третий день, как положено по закону, пришла в милицию с официальным заявлением о пропаже родственников.

Именно с ее опроса и начала работу опергруппа под руководством Терёшина. И майор не только подробно расспросил девушку о вечере, когда Станислав Владимирович с женой ушли гулять и уже не вернулись домой, но и о возможных свидетелях – действительно, кто лучше местного знает всех регулярно припоздняющихся жителей окружающих домов.

И это сразу же дало результат – Светлана вспомнила, что в ту ночь (а она не спала почти до утра – все сидела у кухонного окна, выходящего во двор дома, поджидая дедушку с бабушкой) во дворе играли на гитаре и смеялись – она даже назвала по именам девушек и парня – соседей, которые теплой майской ночью отдыхали во дворе. И, конечно, не исключено, что могли что-то видеть.

Были разысканы Оля, Катя и Семен – десятиклассники местной школы. И как только ребята около 2-х часов дня вернулись с занятий домой, они встретились с поджидающим каждого работником милиции.

Ребята сообщили, что они особо ничего не видели. В интересующее милиционеров время на улице Льва Толстого где-то недалеко останавливалась машина, хлопали дверцы, затем мимо проезда, ведущего с улицы к ним во двор, быстро проехал джип темного цвета – точно Семен разглядеть не успел. Девочки же сидели на детской качалке спиной к проезду и смогли подтвердить лишь то, что слышали. А слышали они то же, что и Семен – звук двигающейся неспешно где-то рядом по улице автомобиля, затем мотор затих, слышен был звук захлопывающихся дверок, а затем – рев мотора, который девочки слышали за своими спинами – и всё!

Эта информация могла бы и не приниматься во внимание, если бы позже, уже во время поквартирного обхода группа Терёшина не нашла еще одного свидетеля. Именно его показания увязали в единое целое рассказанное школьниками – и исчезновение четы стариков именно на джипе черного цвета.

Житель соседнего дома, Кормилицын Борис, заканчивал работу в кафе, расположенном недалеко от места происшествия, как раз в 23 часа.

Так как закрывал помещение на ночь не Борис, а старший менеджер кафе, уже пять минут двенадцатого ночи Борис бодро шел по Ленинскому проспекту домой. На улицу Льва Толстого он вывернул минут пятнадцать двенадцатого и ясно видел большой черный джип (марку он разглядеть не успел) с открытыми дверцами, в который садились хорошо ему знакомые Станислав Владимирович и Альбина Афанасьевна.

– Я и запомнил-то потому, что это были именно Дедюхины – я еще подумал, куда это они собрались ехать, ведь им до собственного дома – рукой подать! А потом тут же о своем задумался и все остальное как-то ушло...

– А вы не могли ошибиться? – допытывался майор Терёшин. – Ведь ночь, да и видели вы людей, уже садившихся в машину...

– Да вы что! – удивленно ответил Кормилицын. – Я же их прекрасно знаю, сколько раз мы встречались в это время на Ленинском! Они с прогулки возвращались, а я, бывало, с работы – только выйду из кафе, и они идут... Так вместе домой и шли!

– Ну, а цвет машины... Вы уверены, что джип был именно черного цвета? А не, скажем, темно-синего или вишневого?

– Нет-нет, когда машина тронулась – она как раз под уличным фонарем проехала. И ясно было видно – черный джип был, именно черный!

– Ну, а куда дальше поехала машина? Вы ведь следом шли по улице?

– Да не видел я! – досадливо ответил парень. – На работе проблемы, я же говорю – уголком сознания отметил, что в машину садятся старики Дедюхины, удивился – куда это они собрались и все – на свое переключился. А джип этот поехал дальше в сторону Комсомольского проспекта.

Положительным в результатах работы группы Терёшина было лишь одно – с уверенностью можно было сказать, что исчезновение Дедюхиных и семьи Захлюстаевых – одних и тех же рук дело. В качестве предположения можно было отнести сюда же и исчезновение трех студентов, с которого, в таком случае, все и началось. То есть – первое место преступления тогда – дом №1 по 3-му Речному тупику.

х-х-х-х-х-х-х-х

Тем временем в доме №1 произошли значительные изменения.

Сергей начал обихаживать свое новое жилище – он поменял мебель, заменил люстры и самое главное – ввернул в них многоваттные лампочки. Теперь вечерами в комнатах дома горел яркий свет.

Сергей смог позволить все это потому, что кроме дома унаследовал деньги бабушки, которые лежали на сохранении в сбербанке. Разбирая старые бумаги, документы и фотографии Сергей нашел сберегательную книжку, аккуратно завернутую в платок.

Сумма вклада была внушительной. А когда Серега пошел в сбербанк, взяв на всякий случай с собой паспорт, свидетельство о смерти Остроуховой Ксении Захаровны, 1930 года рождения, то выяснилось, что никаких документов, кроме его паспорта не нужно – вклад был завещан ему сразу же после того, как бабушка открыла его – Остроухова тогда же написала завещательное распоряжение.

Так что Сергей значительно осовременил обстановку дома, после чего пошел в милицию за разрешением снести старый сарай. На его месте можно было посадить, например, несколько яблонь.

Но такового разрешения не получил, и сарай так и остался стоять с заколоченными дверями.

Серега к нему приближаться избегал. Зато полюбил спускаться с высокого откоса на берег Оби и здесь, под одинокой молодой березкой, которая как раз начала выпускать молодые листочки, ставил табурет, который приносил с собой и долго сидел под деревом, уставившись на медленно текущую речную воду.

Листочки шелестели, шуршала вода о прибрежный песок, иногда с ревом проносились по фарватеру моторные лодки и катера. Все это позволяло Сереге отвлечься от мыслей об Оле, Оленьке... И о ребятах: о Ване с его черными усиками и кавказским акцентом, Женьке Кульке с вечно широко раскрытыми от любопытства глазами...

А потом Серега вскакивал и с табуретом с руках буквально взбегал вверх по склону откоса. И, забежав в дом, начинал лихорадочно перебирать и просматривать очередную грудку старых бумаг, тетрадей, толстых конторских книг и альбомов...

«Что же случилось с ребятами? – билась мысль в голове Сергея. – Что? И как это связано с тем, что было спрятано давным-давно в сарае? Или это никак не связано?»

Ответ мог находиться где-то в этих кучах старых бумаг и прочего хлама. Что-то подсказывало Сергею, что прадед его, Кузьма Гордеич, не мог не оставить хотя бы какого-нибудь намека на то, что он спрятал в проклятом сарае...

Так что теперь каждый день с утра Сергей шел на занятия в университет, потом обедал и рылся до вечера в бумагах. А затем некоторое время сидел под березой на берегу (словно набирался сил) – и снова хватался за исследование доставшегося ему по наследству старья.

А тем временем дни складывались в месяцы, а те, в свою очередь, пролетали один за другим...

х-х-х-х-х-х-х-х-х

Шла вторая половина мая. Работа оперативных групп буксовала на месте – больше ничего нового добыть работники милиции так и не смогли.

Зато новые исчезновения имели место.

Примерно в 23 – 23 часа 30 минут исчезли прямо с улицы Локомотивный проезд на отрезке между улицами им. Полины Ивановой и Гоньбинской мать с сыном, возвращавшиеся домой после посещения знахарки. Мальчик – Саша Петров, давно болел тяжелой формой заболевания крови, врачи ничего сделать не могли, и его мама, Петрова Клавдия Афанасьевна, стала прибегать к услугам знахарок и экстрасенсов.

Вот после одного из сеансов мать и сын возвращались домой – они не дошли до дома буквально метров пятнадцать. Если верить соседу, кутившему в это время во дворе, возле крыльца своего дома, по проезду проезжала машина, которая остановилась на несколько секунд, после чего хлопнули дверцы, мотор взревел и машина уехала. Причем мимо дома кутившего машина не проехала, так что ее марку сосед назвать не смог.

Таким образом, к остальным случаям исчезновения людей в Южносибирске посредством участия (непонятно, в каком степени и вообще **каким образом**) черного цвета джипа «Гранд Чероки» происшествие с Петровыми можно отнести лишь условно. Во-первых, не факт, что шумевший во время исчезновения матери и мальчика автомобиль был причастен к происшествию. Во-вторых (и это усиливает значение первого аргумента), нет никаких фактов, что данный автомобиль был черным джипом, а ни какой-нибудь другой автомашиной – ведь единственный свидетель лишь слышал шум мотора машины, но не видел ее.

В результате единственным существенным достижением в расследовании было образование специальной оперативной группы еще одним городским отделом милиции – теперь уже Промышленным РОВД.

Забегая вперед, скажем, что ни подворный обход, ни попытки найти еще каких-либо случайных свидетелей исчезновения Петровых успеха не принесли.

Как всегда в подобных случаях, постепенно расследование стало глохнуть, «сходить на нет». Не было ни реальных ниточек, за которые можно было потянуть, ни конкретных фактов, за которые можно было уцепиться. Не помогло даже то, что все дела об исчезновении по личному указанию прокурора края были объединены в одно, и что раскрытие этого дела взял на контроль министр внутренних дел.

При этом пострадал начальник краевого УВД генерал Пантелеймонов – после отчета в Москве на коллегии министерства внутренних дел из здания МВД Пантелеймонов вышел уже пенсионером.

Генерал Заволокин, которому министерство предложило возглавить Южносибирское краевое управление внутренних дел, от такой чести отказался.

Он в тот момент лучше всех генералов милиции России понимал, что новый начальник УВД – прямой кандидат «на вылет» – через полгода его отправят либо на пенсию, либо, если еще молод – в отставку.

Иван Сергеевич Заволокин, вот уже более месяца ежедневно изучавший материалы ОРД (оперативно-розыскных дел) всех трех райотделов Южносибирска, в которых работали спецпергруппы по розыску исчезнувших людей, прекрасно видел, что **абсолютно никаких реальных перспектив раскрытия** данное преступление не имеет. Не было известно по фактам преступления (напомним, что все дела были объединены в одно) ничего, кроме подозрения, что прямое отношение к исчезновению людей может иметь некий джип черного цвета, с большой долей вероятности – марки «Гранд Чероки».

И все!!!

Где этот джип находится, откуда и каким образом возникает и куда затем исчезает, и наконец, что немаловажно – какова судьба исчезнувших людей: всё это не только не было известно, но и достоверных предположений никто так и не смог выдвинуть.

Серийный убийца? Но жертвы были слишком уж разными, в действиях преступника (если, конечно, это был преступник – «серийщик») не прослеживалось никакой логики, **системы**. А она всегда есть даже в действиях маньяка-убийцы.

Вот и посудите сами – что искать? Кого искать? И самое главное – **как искать?**

И генерал Заволокин справедливо требовал на каждом селекторном совещании, когда вставал вопрос о ходе расследования по данному делу, искать пропавших. Ну, или в крайнем случае – их тела. Если и правда они стали жертвами серийного убийцы.

Что до автомобиля... Конечно же, искали! В краевой автоинспекции сделали выборку – составили списки владельцев всех джипов «Гранд Чероки» **тёмного цвета** последних трех лет выпуска – проверялись не только черные, но и вообще все джипы темного цвета.

Мог ли искомый джип быть другой марки?

Конечно! Вполне мог десятилетний мальчик ошибиться, но тогда...

Джипов «Гранд Чероки» в городе и Южносибирском крае оказалось 87. К концу мая их проверка уже заканчивалась – нельзя было сказать, что все владельцы этих машин имели твердое алиби на время совершения преступлений. Но и твердых фактов, неоспоримо указывающих на кого-либо из 87-ми, не было!

Тут дело обстояло так – если владелец и его автомашина могли быть замешаны в одном исчезновении, то на время одного-двух других они непременно имели твердое алиби.

Сделали список джипов и других моделей темного цвета, схожих по конфигурации с ранее разыскиваемым «чероки». Их оказалось... 893! Конечно, начали проверять и их, но это был сизифов труд.

А кроме того, первое, что сделали после составления списка из 893 человек – это взяли все джипы (плюс, конечно, 87 «Гранд Чероки») под оперативное наблюдение. На этом настоял новый начальник УВД – генерал Чернушкин, которого прислали из Москвы.

К тому времени – а была уже середина июня, прошла ни одна неделя, не омраченная случаями новых исчезновений. И новый начальник УВД справедливо полагал: его спасение лишь в одном – если больше люди в Южносибирске исчезать бесследно не будут.

И все лето новых исчезновений, действительно, больше не было.

Глава шестая

Наступил сентябрь, потом октябрь. Заканчивалась проверка всех джипов темного цвета Южносибирского края, но персональная опека работников милиции над всеми девятьсот восьмьюдесятью автомашинами осуществлялась настолько плотно, насколько это можно было осуществить возможностями милиции. Ведь это сколько личного состава было задействовано почти полгода – с ума можно сойти!

Но пусть ощутимых результатов это и не дало, зато генерал Чернушкин по крайней мере мог если и не с чистой совестью, то с более-менее легким сердцем выезжать для отчетов по этому делу в Москву. А за эти показавшиеся многим столь длинные месяцы ему это делать пришлось чуть ли не десяток раз.

Наступил ноябрь, в середине месяца на землю приготовился лечь первый, и уже – постоянный для этих широт зимний снежный покров. И участники расследования мысленно вздохнули и даже перевели дух. Хоть так и не появилось подвижек в ходе расследования, но хотя бы новых исчезновений не было, а снежный наст позволял в случае возобновления действий зловещего автомобиля хотя бы надеяться на то, что от его передвижения будут оставаться следы колес.

Люди знающие скажут вам, что отпечатки рисунка протектора колеса автомобиля индивидуальны почти так же, как капиллярные узоры отпечатков пальцев рук человека.

Так что где-то в глубине души оперативники и следователи даже хотели, чтобы чёрный автомобиль дал о себе знать. Как это гнусно не звучит.

Но автомобиль как сквозь землю провалился...

Между тем, выполняя приказ генерала Заволокина, работники патрульно-постовой службы и оперсостав, не задействованный в иной работе, заканчивали прочесывание территории города – вплоть до последних самых труднодоступных закоулков. Были переворошены свалки (не укрыты ли тела грудями мусора и городских отходов жизнедеятельности жителей); тщательно отработан и проверен состав работников кладбищ (не спрятаны ли тела пропавших людей методом двойного захоронения на дне могил). А уж берега Сибирки... Их прочесали так тщательно, при этом убирая мусор и вырубая заросли дикорастущих кустов, что мэрия города смогла начать долгожданные работы по обустройству берегов этой речки, до сих пор хоть и протекающей чуть ли не через центр города, однако же совершенно не окультуренной.

И теперь берега неширокой речушки «забирали» в бетон, сверху делали пешеходные дорожки, обсаженные березами и голубыми елями.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

12 декабря 2009 года атмосфера спокойствия и некоторого благодушия, воцарившаяся с некоторых пор в городе Южносибирске, была нарушена новым исчезновением.

На этот раз бесследно пропали не только два человека, но и несколько животных.

Казарян Ада Гургеновна, 79-ти лет, и ее сестра Казарян Роза Гургеновна, 75-ти лет от роду жили в одном подъезде старого, постройки еще сталинских времен двухэтажного дома, который в ряду нескольких других стоял недалеко от берега Сибирки, образуя так называемый Береговой проулок.

Номер дома, в котором жили сестры, был пятый. А номер дома, в котором жил один из свидетелей будущего происшествия, 14-летний Максим Терёшин, сын майора Терёшина, с первых дней начала розыска пропавших людей работавшего в опергруппе Центрального рай-отдела милиции – седьмым.

Упоминается в одном ряду с пропавшими сестрами сын майора потому, что он сделал самое важное открытие, не уступающее по значимости тому, которое сделал одиннадцатилетний Олег из дома №8 по 3-му Речному тупику. Напомним, что именно Олег определил марку черного джипа как «Гранд Чероки» последних трех лет выпуска.

А вот Максим... Но – по порядку.

Дело происходило следующим образом.

С началом зимы (а отсчет зимы в Сибири начинают с середины ноября) строительство на берегах Сибирки прекратилось – его законсервировали до весны следующего года. И остановились эти работы по благоустройству как раз невдалеке от Берегового проулка.

Вот здесь и повадилась играть ребятня из близлежащих домов. И, конечно, сначала первые, а затем и все остальные любители собак стали приходить к земляным кучам на набережную выгуливать своих питомцев.

Частенько с наступлением темноты они гуляли сами по уже обустроенной дорожке, обсаженной невысокими деревцами, а собак отпускали с поводков, и те вольно бегали на земляным развалам, среди застывших на долгое время тракторов, бульдозеров и массивных асфальтовых катков.

Поздно вечером 12 декабря здесь гуляли только сестры Казарян. Причем старшая сестра держала на поводках трех болонок, а младшая – двух карликовых пуделей.

Было тихо, только из-за ближайшего дома доносились голоса припозднившихся подростков, готовящихся расходиться по домам, но пока еще стоящих за углом и торопливо докуривающих сигареты.

Все происходящее на прогулочной дорожке и на строительной площадке молодежи было видно.

И в частности, они видели, как у Ады Гургеновны вырвала поводок из рук одна из болонок и ожесточенно лая, бросилась к ближайшему трактору и скрылась за ним в глубине строительной площадки среди куч земли, бетонных плит и так и не вывезенного строительного мусора.

Ее поддержали лаем остальные четыре собаки, которые стали рваться с поводков.

Подростки вышли из-за угла и принялись наблюдать весь этот катаклизм: лай собак перемешивался с криками старушек, пытающихся успокоить своих любимцев. Одновременно Ада Гургеновна громко звала свою сбежавшую собачку:

– Руня, Руня! – кричала она, едва удерживаясь на ногах из-за рвущихся за трактор оставшихся двух собачек.

Между тем где-то в глубине, за огромным асфальтным катком раздался пронзительный визг. И этот звук почему-то заставил замолчать всех остальных собак, и сначала замереть на месте, а потом попятиться назад.

Потому что из-за катка, переваливаясь на колдобинах и неровностях изрытой почвы прямо на дорожку выезжал неспешно черный джип.

Случайно, или нет, но как раз в этот момент с неба уже начали падать первые еще робкие снежинки.

Какое-то время все – и старушки, и подростки, и собачки замерли на месте. Но как только автомобиль развернулся, дверцы тут же приветливо раскрылись. И внутрь салона стали сначала запрыгивать собаки, а потом полезли и обе сестры Казарян. В этот момент Максим Терёшин отчаянно крикнув: «Пацаны! Бежим!», обернулся и в течение нескольких секунд сделал видеозапись видеокамерой, которая была у него вмонтирована в мобильный телефон.

Джип, впрочем, подростками не заинтересовался, так как в это время стоял к ним задом.

Как уезжал автомобиль, увозя старушек и их питомцев – никто увидеть не мог – снег пошел часто, густо и падал крупными хлопьями, полностью лишая людей обзора уже на расстоянии метра-полтора.

Тем временем Максим, забежав в подъезд дома, принялся набирать на своем мобильнике номер сотового телефона отца.

Будучи сыном работника милиции, вот уже который месяц денно и нощно занимающегося поиском черного джипа и пропадающих людей, сажившихся в этот джип, Максим хорошо представлял себе то, свидетелем чего он только что оказался. Потому и названивал теперь лихорадочно отцу.

– Что случилось? – спросил майор, бросивший взгляд перед включением связи на определитель номера своего телефона. – Ты что не спишь, чего тебе, Максим, я занят!

– Пап, автомобиль снова появился! Возле нашего дома, только что! И наши соседки, ну эти, бабки-Казарян, в него сели! Вместе со своими собаками!

– Ты где сейчас?! – закричал Терёшин.

– Да я в нашем подъезде, мы с ребятами сразу же убежали, как только машина появилась. Пап, я джип заснять на видео успел! На телефон!

– Будь на месте, я сейчас же выезжаю!

Через полчаса на месте происшествия была почти в полном составе опергруппа майора Терёшина и все работники Центрального отдела, которые, не смотря на позднее время, находились в отделе (было, как обычно для всех случаев исчезновения около 23 часов 30 минут). Но...

Не было никаких долгожданных следов. За эти полчаса густо падающий снег ровным покровом накрыл все – кучи земли, строительную технику и главное – окружающую почву. Не было следов! Даже теперь, зимой, с ее снежным покровом почвы...

В большой комнате квартиры майора было тесно. Здесь собрались кроме Терёшина, также следователь прокуратуры, два оперативника и все четверо подростков, включая Максима. Терёшин и следователь, пренебрегая процедурой, диктуемой УПК, вели опрос вместе, причем следователь вел сразу четыре протокола, вписывая в необходимый бланк допроса сообщаемые свидетелями сведения (в зависимости от того, кто говорил, он заполнял соответствующий протокол).

Но ничего особенно интересного ребята не сообщили.

По их словам, после того, как собаки чего-то испугались и все разом замолчали, потом попятились, среди строительных механизмов «откуда не возьмись» появился джип.

Начавшийся снегопад, хотя и редкий поначалу, помешал точно разглядеть – откуда, собственно, взялся джип среди куч строительного мусора и единиц тяжелой строительной техники.

– Может быть, он выехал из глубины стройки? Ну, из-за тракторов и бульдозеров? – допытывался следователь.

Ребята пожимали плечами, переглядываясь и не зная, что ответить.

– Пап, – обращаясь по привычке к отцу, сказал Максим. – Мы ведь на стройплощадку не смотрели, мы смотрели на этих, бабушек-Казарян! И собак – они всю рвались с поводков, тянули бабок за собой! А потом, когда собаки замолчали, как будто испугались чего-то, машина уже выезжала из-за катка! К бабкам подъехала и дверцы сами собой распахнулись...

– Как это – сами собой? – тут же уцепился за эту фразу Максима следователь. – Что значит – сами собой?

– Так не видно было рук там, или плеча человека в машине, который дверцу рукой открывает... – пояснил один из товарищей Максима. – Как бы автоматически открылись, понимаете? Мы же в это время еще рядом стояли, возле угла дома! А вот когда двери открылись и собаки

стали прыгать внутрь, тут Максим и закричал: «Бежим!» Ну, мы и рванули сначала за угол, и сразу же все – по домам!

– Ну, и чего вы испугались? – спросил майор Терёшин ребят, игнорируя при этом сына и уже предугадывая ответ. – Чего страшного-то в этом всем? Ну, сели старушки с собаками в автомобиль, и что?

– Так рассказывал Максим нам про джип «Гранд Чероки» и как люди вместе с ним пропадают...

Майор аж глаза закрыл на мгновение:

– Максим! – укоризненно сказал он. – Сколько раз тебе говорить – не выносить из дома то, что ты слышишь...

– Пап, ну ты же ничего не говорил про то, что нельзя рассказывать про автомобиль! Да я и не говорил, где и когда что-то происходило – только в общем...

– Да будет вам, майор! – сказал следователь. – Может быть, благодаря тому, что ваш парень ребят попугал страшилкой про автомобиль, они живы-то остались...

– Эт-т точно! – ухмыльнулся один из оперативников, до того помалкивающий. – Как говорится, нет худа без добра!

– Так ничего ж худого не случилось! – недоуменно сказал второй оперативник. – А добро тогда в чем?

Первый покрутил пальцем у виска и укоризненно сказал:

– Это присказка такая! Основана на парадоксе! В смысле что ни делается – все к лучшему...

– Ну, так и говори! – обиделся первый.

Тем временем Терёшин и следователь внимательно раз за разом просматривали на маленьком экранчике телефона Максима сделанный им видеосюжет.

– Кажется, удача! – негромко говорил следователь. – Ваш парень сумел заснять номер джипа!

– Нужно пропустить кадры через компьютер и увеличить! – ответил Терёшин.

Он почему-то не испытывал чувства удачи. А наоборот, какое-то неприятное предчувствие овладело им.

Оно подтвердилось. Номера на самом деле не было. При увеличении на компьютере оператор увидел лишь белый прямоугольник **как бы автомобильного номера**, на котором то появлялись, то исчезали черные черточки, закорючки, овалчики, но все они никак не желали складываться в читаемые человеческим глазом цифровые и буквенные символы.

Руководители УВД – генералы Чернушкин и Заволокин, которые не один час просидели рядом с оператором ЭВМ, наблюдая за игрой черных символов на белом фоне таблички, в итоге лишь руками развели.

– Всю информацию – на диск! – приказал генерал Чернушкин компьютерщику и добавил, обращаясь к генералу Заволокину: – Собирайся, Иван Сергеевич! В Москву полетим на этот раз вместе! Так-то вот!

Глава седьмая

После отчета у министра оба руководителя Южносибирского краевого управления милиции вернулись тихими, на вид – спокойными, но как бы это, как говорится – словно бы потерянными.

Да, оргвыводов не последовало – действительно, за что ругать руководителей милиции, которые предоставили десятки CD-дисков с информацией о содержании многотомного следственного дела, а также выдержки из нескольких ОРД опер состава милиции города? Причем все это неопровержимо свидетельствовали об огромной работе, сделанной личным составом Южносибирского УВД...

Кроме того, мерцающая непонятными черными знаками номерная табличка... Видеозапись Максима Терёшина изучалась в самых разных лабораториях МВД и даже – Академии Наук. Но результатов было – ноль! Более того, даже академики не смогли ничего понять в том, что, собственно, происходит на табличке, и главное – **как?**

Вплоть до последующих событий, уже не имеющих результатами исчезновение людей, более никто не пропадал – ни люди, ни животные.

Тем не менее было принято решение – выставить на всех узловых точках проезжих путей внутри города и на выезде из него постоянно функционирующие милицейские посты. Цель их – попытаться «засечь» темного цвета «Гранд Чероки», имея в виду основную примету автомобиля – странный неразличимый на глаз номер, особенность которого – постоянное изменение конфигураций букв и цифр, что делало невозможным его прочтение.

Для фиксирования автомобиля (в случае обнаружения) все постовые имели теперь при себе мобильные телефоны со встроенными видеокамерами (из Москвы для закупки потребного числа таких телефоном даже специально поступили деньги).

Именно эта мера принесла успех.

28 декабря на одном из стационарных пунктов контроля автоинспекции при проезде мимо него была заснята задняя часть темно-зеленого джипа «Гранд Чероки» с номером, который полностью отвечал признакам, доводимым ежедневно до постовых на инструктажах.

Указанный джип выехал из города Южносибирска по трассе Южносибирск – Старокузнецк, то есть в направлении на север. Естественно, пока фотографии проверяли, пока убедились, что на фотоснимке действительно автомобиль-убийца, джип успел исчезнуть бесследно. Ориентировка, посланная по цепочке стационарных постов дорнадзора вплоть до Старокузнецка, обнаружить еще раз искомый автомобиль не позволила. Судя по всему, джип свернул куда-то в сторону, и теперь затерялся где-то на таежных просторах края.

На всякий случай посты внутри Южносибирска выставлялись еще две недели, а потом их сняли. Лабораторное исследование вновь полученной фотографии, сличение ее с фотографией из телефона Максима Терёшина показало абсолютную идентичность обоих номеров.

Имеется в виду особенности изменения конфигураций черточек, линий и окружностей на номерных табличках. Последовательность чередования фигур черного цвета на обоих номерах полностью совпала.

Так что с уверенностью можно было сказать – джипа в городе не было.

Так закончились странные события в Южносибирске. Но закончившись в столице, они начались в одном из сельских районов Южносибирского края, в таежной глуши.

х-х-х-х-х-х-х-х-х

Если ехать по федеральной трассе Южносибирск – Старокузнецк в сторону Кемеровской области, то на 95-м километре вправо отходит грунтовая дорога, ведущая к заброшенному песчаному карьеру.

Дорога эта почти не видна – который год по ней никто не ездит и теперь она заросла травой. Да и свороток-то, если честно, незаметен – найти его может лишь тот, кто, зная о его существовании, ищет специально.

Сам карьер находится километрах в пяти от трассы. Он глубокий, и в откосах его видны десятки пещер. Они появились в результате «дикой выработки» – когда еще в советское время промышленная эксплуатация карьера была прекращена, окрестные колхозы и совхозы совершенно бесплатно копали, добывая здесь песок для своих нужд.

Донная часть карьера была выработана до глиняного слоя, поэтому рыли откосы. Так в них и образовались пещеры, некоторые – довольно большие и глубокие.

Теперь в самой большой из них стоял, как в гараже, автомобиль.

Это была одна из моделей БелАЗА – на высоких, в рост человека, колесах, с самосвальным кузовом, с кабиной, расположенной на такой высоте, что водитель туда вынужден был бы забираться аж по двум лесенкам!

Только вот водителя у этого самоходного авто чудовища не было. Да и автомобилем э т о не было. А было когда-то Существом, потом автомобилями разных моделей.

Например, не так давно – темной окраски джипом «Гранд Чероки».

Находясь более ста лет в темноте, запертое в деревянном примитивном сооружении, да вдобавок лишенное существенной части органов, существо голодало и ждало.

Ждало, когда немногочисленные кванты света, омыв его кожу, пробудят к жизни.

Запаса же первоначальных жизненных сил существу хватило лишь на то, чтобы сменять форму одного автомобиля – на другой, его органы чувств все это время не спали, а сканировали окружающее пространство.

Они фиксировали маленьких детей, которые украдкой иногда подходили к сараю, в котором в загородке из досок была заперто существо, смотрели сквозь щели стен и уходили... А существу так хотелось закричать, привлечь к себе внимание, заставить открыть его доступу света – но не могло оно сделать этого! Не было у существа органов, подобных человеческому рту и гортани, что позволило бы издавать звуки... Оно могло воздействовать на людей чем-то, вроде гипноза, подчиняя их себе и заставляя выполнять команды... Но для этого, во-первых, нужны были силы (которых сейчас не было), а во-вторых – существо должно было «видеть» объекты внушения. Нечто вроде органов глаз у него было. Хотя, конечно, по строению ничего общего с человеческими глазами эти органы зрения не имели.

Когда-то существо, появившееся на свет в результате экспериментов в далекой от Земли звездной системе, неосмотрительно быстро размножившись, начало поедать своих создателей и вообще все живое, что двигалось по поверхности родной планеты. Это заставило разумных обитателей убежать из родного мира, покинув его.

Явившиеся крыловидные пришельцы захватили существо. Но быстро определили его в наглухо запертое помещение на своем корабле, где в абсолютной темноте существо через некоторое время впало в оцепенение, сходное с тем, в котором находилось и последующие сто с лишним лет.

Нет, оно бы скушало этих, «с крылышками», как только те выпустили бы его на свободу. Но почему-то этого не произошло. Существо помнило внезапный толчок, дикое ощущение жжения, полета в воздухе и последующий удар при приземлении в каком-то закрытом помещении. Впрочем, в этот момент света ему хватало – через дыру в крыше ярко светило солнце. Но пока существо приходило в себя, некий местный субъект успел заключить его в камеру из досок и накрыв сверху плотной тканью, лишил света! Полностью, так как вдобавок после этого абориген заделал дыру в крыше своего сооружения!

Правда, увидеть истинный облик существа местный не смог – приземлившись, существо просканировало окружающий мир и выбрав наиболее подходящий в будущем для себя вид местных предметов успело до прихода хозяина принять форму некоего четырехколесного механизма, один из которых как раз проезжал невдалеке.

Существо сознательно приняло форму неживого объекта – во-первых, кто его знает, как местные разумные относятся к живым формам? А если так, как сами существа относились к ним на родной планете – встретив, тут же поедали? Ну, а во-вторых, этот механизм на колесах в будущем позволил бы быстро передвигаться, скрываясь от возможной погони.

Так рассудило тогда своим примитивным разумом это существо. Поэтому, долгие годы находясь в заточении, оно всё время слегка меняло конфигурацию механизма, в который превратилось, приземлившись на эту планету. Но не отказалось от идеи быть автомобилем.

В окружающем его мире автомобили совершенствовались, изменяли конфигурацию, и вместе с ними изменялось существо.

Так предпоследним его «воплощением» стал джип «Гранд Чероки».

Когда несколько местных разумных вскрыли оболочку, мешающую его развитию, существо жадно приняло поглощать кванты света их фонарей и лампочки столба, возвышающегося у крыльца дома, откуда вышла «пища».

Полученной энергии хватило, чтобы завлечь три объекта внутрь себя, выехать наружу по одной, второй, третьей улице и добраться до ярко освещенного проспекта.

А далее... Далее джип неторопливо двигался по городу, переваривая пищу и с каждой минутой становясь все сильнее.

Столетний голод затуманил жалкий разум существа, и оно принялось питаться непрерывно. Но остатки разума заставили существо выходить на охоту все-таки лишь в темноте, но – в то время, пока добыча еще ходила по улицам.

За все время охоты существо лишь дважды захватывало недоброкачественную пищу. Дело в том, что процесс его питания представлял собой усвоение пищи **на молекулярном уровне**. Поэтому два тела пришлось выбросить – одно из них было переполнено бесформенными размножающимися вне программы клетками (на местном языке такое тело называлось «больным раком»); второе же было переполнено видоизмененными клетками жидкостной субстанции (местные называют ее «кровью», а эту болезнь крови – гемофилией, или не свертываемостью).

Растворять в себе такие клетки джип поостерегся, поэтому выбросил два больных тела из своего нутра. Все остальные тела, включая последние пять небольших существ, которые были прикреплены ремнями к двум своим хозяйкам, существо-джип благополучно переварило.

Хотя процесс этот был очень медленным.

Уже двигаясь прочь из города в поисках укромного местечка, существо случайно нашло карьер. Его распирало от съеденной плоти – оно должно было дать волю своим клеткам к размножению. Именно для этого оно столько ело, и теперь значительно увеличилось в размерах.

Завершение преобразования произошло уже здесь, в карьере. И не желая расставаться с полюбившейся ему формой, существо превратилось в БелАЗ – моделью для преобразования послужил брошенный заржавевший автомобиль этой модели, стоящий чуть ли не полстолетия у одной из стен карьера.

Когда-то эти гиганты работали здесь. Еще в те времена, когда карьер промышленно разрабатывался, город Южносибирск – строился, и строителям было нужно много песка. Чтобы

построить много домов для людей, которые тогда переселялись из бараков в индивидуальные отдельные квартиры.

Квартиры, правда, «так себе», но ведь отдельные!

Так появился на свет еще один автомобиль – огромный карьерный самосвал.

Но что-то происходило не так, как нужно, чего-то не хватало существу, и оно не просто чувствовало из-за этого дискомфорт.

Существо мучилось. Громадный автомобиль-самосвал корчился и содрогался. И иногда дрожь передавалась окружающей его массе песка...

x
x x
x **2** x
x x
x

Над лесным массивом Затайгинского района Южносибирского края в январе 2010 года потерпел катастрофу рейсовый вертолет Ми-4.

Глава восьмая

Если говорить точнее, то вертолет не разбился, а совершил вынужденную посадку.

Прямо в тайге, по счастливой случайности угодив при этом не на верхушки елей и пихт, а в прогалину между деревьями.

Пилот, Евсеев Николай, внимательно рассмотрев карту, даже сплюнул с досады: до ближайшего обжитого жилья – дома егеря, предстояло добираться не менее двух суток.

Бортинженер, Петюня (так звали его все в авиаотряде за возраст и внешний вид) дышал над плечом Николая, заглядывая тому на колени, на которых лежала карта.

– Что, плохо, Николай Евгеньич? – спросил он, отодвигаясь и отходя в сторону двери, ведущей в пассажирский отсек вертолета. – Далеко идти до жилья?

– Далеко, Петюня, далеко... – негромко и задумчиво ответил, складывая карту, Евсеев. – Как там наши молодожены?

Вертолет на этот раз имел при себе всего двух пассажиров – студентов-молодоженов, которые летели в гости к родителям в Затайгинск – районный центр, до которого вертолет не долетел чуть более семидесяти километров.

Ребята были родом из одного поселка, учились в одном и том же вузе Южносибирска, причем – в одной группе, и симпатизировали друг другу еще со школы. Ну и день за днем, месяц за месяцем общаясь друг с другом, решили соединить судьбу и зарегистрировать брак.

Осенью подали документы в ЗАГС, предупредили родителей о дне регистрации и сообщили, что на свадьбу приедут домой, в Затайгинск.

Вчера по телефону и Вера, и Павел сообщили, что зарегистрировали брак и вылетают рейсовым вертолетом, а родители в свою очередь сказали им, что к свадьбе все готово, друзья Веры и Павла приглашены, вообще торжество будет проведено на уровне.

Немного, конечно, неуклюже получилось, но ребята решили сделать все именно так, и родители с ними согласились.

Отцы молодоженов сходили в тайгу, завалили сохатого, настреляли глухарей и тетеревов, да вдобавок дома прирезали одного кабанчика, так что веселье намечалось и широкое и **обширное** – подразумевается и количество приглашенных на свадьбу, и количество дней, запланированных родителями, чтобы достойно отметить бракосочетание единственных в обеих семьях детей, ну, и вообще появление новой семьи.

Сейчас Вера, кусая губы, пыталась раз за разом набирать телефонные номера на своем мобильнике, но у нее ничего не получалось. Этим же был занят и Павел – единственное отличие его от девушки заключалось в том, что кнопками телефона он орудовал одной рукой, а второй обнимал и прижимал к себе Веру, успокаивая ее.

– Что, ничего не получается? – спросил, протискиваясь в пассажирский отсек Петюня. – Не старайтесь, связи здесь нет – сеть не охватывает пространство над тайгой!

– Но мы же звонили по мобильным только вчера! В Затайгинск! И связь была хорошей, и соединение сработало сразу же!

– Ну так связь осуществлялась в обход, через операторов в населенных пунктах! А на основном пространстве таежных районов – сеть не действует!

– А ваша рация? – спросил Павел, бросив бесполезное занятие терзания кнопок мобильного аппарата. – У вертолета ведь есть стационарная радиостанция!

– Не повезло нам, ребята! – ответил, залезая вслед за бортинженером в салон Евсеев. Высокий, бородатый и могучий, он тем не менее ловко передвигался в тесном пространстве вертолета. – Вынужденную мы совершили из-за замыкания в сетях электрооборудования.

Замкнуло что-то и в радио! И это хорошо, что причина в электропроводке, резервные линии позволили роторам работать как раз столько, сколько потребовалось нам, чтобы быстренько найти место и посадить машину!

– Да уж! – жизнерадостно подхватил Петя. – Откажи ведущий ротор – грохнулись бы мы так, что мало не показалось бы!

– В общем так, ребята! – сказал Николай, присаживаясь на сидение рядом с Верой и обнимая его рукой со второй стороны. – Придется нам добираться до домика егеря! Гриша Боборыкин здесь «егерит», живут с женой вдвоем, Полиной. Добираться, правда, нам дня два, но доберемся, не сомневайтесь! У

нас при себе в вертолете всегда есть все на все случаи жизни. Так что найдутся и комбинезоны, и валенки. Комбинезоны на вате, теплые. И чистые – давно нам не приходилось в моторе копать. Так что не робей, дочка!

Он прижал к себе покрепче Веру, у которой задрожали губы, она с трудом сдерживала слезы.

– Как же... У нас ведь свадьбы завтра... Гостей половина поселка...

– А вот это – хорошо! – ответил ей Николай. – Раз мы сегодня не прилетим, а вас столько людей ждет, то обязательно свяжутся с Южносибирском, узнают, что вылетели мы по расписанию. Я на связь выходил последний раз минут за десять до аварии проводки и нашей посадки, так что место примерное вычислят быстро. И ваши родители, да и все охотники, выйдут на поиски в тайгу! Думаю, в ночь они не пойдут, а завтра с рассветом и выдвинутся нам навстречу! Можно, конечно, и здесь, в машине дожидаться, но очень холодно! Я предлагаю идти навстречу, в направлении жилища егеря! Сейчас – 13—00, светло будет еще несколько часов, так что до одной их охотничьих заимок мы наверняка дойдем! А там и запас дров, печка. Продукты какие никакие у нас есть...

– Да мы на свадьбу деликатесы возем, купили балыки, икру... В магазине «Океан»... Только хлеба нет!

– А вот хлеб есть у нас! – показывая в улыбке белые здоровые зубы, сказал жизнерадостно Петюня. – И бутерброды, и термосы с чаем!

– Ну, вот видите! – Евсеев прижал потеснее к себе девушку, стараясь успокоить. – Дойдем, не сомневайтесь! Послезавтра по любому будем у егеря, а у него стационарный телефон – воздушка! И дорога накатанная от заимки в Затайгинск! Так что свадьба ваша, считайте, просто переносится! Давайте-ка, собирайтесь! Петюня, принеси комбинезоны и валенки!

И, обращаясь к пассажирам, добавил:

– Валенки мы с Петей наденем, а вы – наши унты! В них полегче будет по снегу пробираться!

Они брели по снегу между деревьями, стараясь выбирать путь полегче – но это было нелегко. Сразу за поляной, на которой приземлился вертолет, начинались деревья, пространство между которыми густо заросло кустарником. Приходилось, выбирая путь, очень аккуратно переставлять ноги, чтобы не запутаться в подлесковых гибких ветвях, не споткнуться и не упасть.

Меж тем вокруг них царила какая-то первозданная красота. Не было ни малейшего дуновения ветра, высоченные ели и пихты стояли, вытянувшись во фрунт, как натянутые струны, вынося свои острые верхушки высоко вверх и вонзая их в по-зимнему низко двигающиеся тучи. Покрытые снегом ветви делали каждое дерево сюрреалистически красивым – белейший снег и проглядывающая кое-где сквозь него темная хвоя создавали ощущение чего-то пятнистого, но не опасного – настолько все вокруг было чистым и, как бы это выразиться – родным и близким людям, что ли...

Так что шли сквозь тайгу все четверо с удовольствием – белый снег, морозец не более 20 градусов и тишина... Лишь изредка нарушаемая шорохом очередного оборвавшегося с вершины дерева пласта снега, да скрипом снежного наста под ногами людей. Тяжело? Не без этого, но зато воздух – чистый и напоенный запахом хвои, вливался в легкие, как живительная влага.

Пилот Евсеев настоял, чтобы лишнего груза с собой не брали. Он самолично из куском брезента соорудил каждому заплечный вещмешок, в котором были продукты и предметы первой необходимости,

Так что шли налегке.

Что до оставленных в вертолете вещей молодоженов, то Николай Евгеньевич уверил их, что отсюда ничего не пропадет – он тщательно запер за собой дверь борта, да еще и припер ее лесиной, которую нашел невдалеке и подогнал под нужный размер топором. Сей инструмент пилот, естественно, захватил с собой.

Идти до ближайшей охотничьей заимки им предстояло часа два. Короче, с сумерками они должны были бы уже прийти.

х-х-х-х-х-х-х-х-х-х

Между тем в тайге начало кое-что происходить. Точнее даже, не в тайге, а на расположенном недалеко от линии движения людей болоте.

Оно тоже поросло лесом, но это были в основном редкие осины и корявые сосны. Основное же пространство представляло из себя унылую ровную поверхность, то здесь, то там поросшую травой, которая теперь, зимой, торчала сквозь редкий снежный покров, являя свету жесткие и острые, как бритва, верхушки.

Так как ветра не было, здесь также царила тишина, которую вдруг нарушило шевеление снега сразу в нескольких местах.

Фактически это было даже не простое шевеление – нет, снежинки вдруг, словно под воздействием откуда-то из глубины образовавшегося где-то там, внутри болота ветерка, начали взлетать, кружиться, словно в маленьких смерчках, а затем, слипаясь друг с другом, стали превращаться в белые снежные фигурки. И похожи эти фигурки были на человеческие, только невысокие и какие-то гротескные, что-то...

У них были широкие плечи, длинные руки, но короткие ноги и маленькая голова. При росте около метра они лишь на первый взгляд напоминали людей, скорее уж смахивали на грубо вылепленные детьми снежные фигурки.

Вот только плотность рук, ног, туловища не уступала, хотя материалом и был обычный снег, металлу. Но об этом можно было узнать, лишь если попадешь в стальные захваты пальцев рук снеговиков.

Эту сверхъестественную твердость снежным человечкам придавали силовые поля, которыми были окружены частички когда-то упавшего с неба после взрыва в районе Подкаменной Тунгуски космического корабля.

Долгие годы они, погрузившись в болотную жижу, лежали без движения и без признаков жизни, но окружающая среда никак не воздействовала на них.

Они были чужеродными и поэтому не могли раствориться в окружающей их влажной гниющей болотистой почве.

Хотя и были живыми.

Но передвигаться самостоятельно они не могли, для этого должны были принять форму неких местных существ, а ничего подходящего рядом не наблюдалось. Вдалеке, правда, двигалась группа двуногих, но плотная масса хвойных деревьев, да еще и плотный снег, облепивший каждое из них и лежавший огромными сугробами везде, где ветер смог эти кучи снега наместить, мешали иноземным частичкам скопировать достаточно похоже местные существа. В результате и получились снеговики с парами ног и рук, одной головой, то есть – подобные по форме людям, но на самом деле имеющие с ними мало общего.

Ну, например, в отличие от людей, снеговички были хищниками, и их живая масса напрямую зависела от количества съеденной живой плоти...

То есть, чтобы вырасти до необходимых размеров, снеговикам нужно была добыча – местные живые существа. Тогда они, достигнув достаточно больших размеров, смогли бы захватить собой кусочки и частички инопланетянина и двинуться на поиски своей основы – существа из карьера... Чтобы слиться с ним воедино, как и было когда-то – когда крыловидные плеядцы отловили существо на родной планете и увезли его с собой...

Между тем Николай Евгеньевич, Петя и молодожены, с трудом преодолевая сугробы, упорно двигались вперед. О снеговиках они еще ничего не знали. Их мысли были заняты одним – как бы скорее добраться до сторожки и там обогреться, поесть и отдохнуть.

Глава девятая

В Затайгинске тем временем началась тревога. Исчез рейсовый вертолет, и исчез где-то над тайгой. Зимой, когда тайга становится малопроезжимой из-за холода и заносов снега, когда морозы своими ледяными объятиями иногда расщепляют стволы вековых елей и пихт.

Правда, в этом году морозы не были столь лютыми, но родители Веры и Паши справедливо опасались, что ребята-то одеты по-городскому – в пальтишки или курточки, а на ногах – сапожки. Так что в таком одеянии они вполне могли замерзнуть и в двадцатиградусный мороз. А если, не дай бог, начнется пурга – подумать страшно, что может произойти с потерпевшими крушение.

Конечно, первое, что было сделано – это установлена связь с местным егерем Боборыкиным, чей домик находился в глубине тайги, в семидесяти километрах от районного центра, прямо посередине охотничьего заказника. Гриша пообещал немедленно выйти в тайгу и пока не стемнеет окончательно – посмотреть, что творится вокруг, и в частности наметить пути движения поисковых групп, которые должны были подъехать к его дому из Затайгинска рано утром. Чтобы прямо с рассветом выйти различными маршрутами к точке примерного места аварии и крушения.

Здесь нужно пояснить, что пассажиры вертолетов, летающих зимой над тайгой, даже в случае падения всегда имеют много шансов выжить, так как верхушки деревьев и снежные сугробы способны значительно ослабить силу удара механизма о землю.

Если, конечно, вертолет летит на небольшой высоте.

На это и рассчитывали поисковики. И уже с раннего утра – часов с четырех, они начали собираться у автобуса.

Как уже упоминалось, дом егеря соединяла с райцентром накатанная дорога.

Получив известие по телефону о возможном авиа крушении, Григорий Боборыкин сказал жене, что выйдет на внеплановый обход своей территории, что ждать его к ужину не нужно и свистнув собаку – лайку Загая, встал на лыжи. Поначалу у него мелькнула мысль завести снегоход, но он тут же отбросил ее – через час начнет смеркаться, и ехать на снегоходе по таежному бездорожью – не получится. Лыжи были надежнее. Да и собаке не угнаться за снегоходом.

Впрочем, примерные координаты возможной катастрофы, как и предсказывал пилот Николай Евсеев, находились в нескольких днях пути, но сейчас задачей егеря была не поиски пассажиров и экипажа вертолета, а определение маршрутов для поисковых групп.

Хотя в Затайгинске каждый второй был охотником, все-таки таежный массив лучше егеря никто не знал.

Звериные тропы, непроходимые места буреломов, просторы замерзших болот – все это знает егерь. Также как и места, где болота даже в самые сильные морозы не промерзают до такой степени, чтобы выдержать вес человека или крупного животного.

Григорий думал об этом, неторопливо двигаясь по снежному насту и время от времени останавливаясь, чтобы внимательно рассмотреть карту, на которой карандашом он делал лишь ему понятные пометки. Впереди то и дело раздавался лай Загая – умный пес выбирал проходимые для хозяина пути и подавал голос, чтобы обратить на себя внимание.

Боборыкин прекрасно различал оттенки голоса своего питомца – например, если пес обнаруживал поставленный браконьерами капкан, он лаял по-иному, нежели если хотел просто подозвать к себе хозяина.

Иными словами, опасность пес и чувствовал лучше человека, и сигнал умел подать о ней по-особому.

Он и сегодня уже обнаружил пару капканов, но разряжать, а тем более снимать их Григорию было некогда – он лишь спустил скобы, обезопасив таким образом браконьерские орудия лова.

Быстро стемнело. Скоро егерь мог пользоваться картой, лишь подсвечивая себе светом фонарика.

Впрочем, свое дело он закончить успел – маршруты поисковиков он наметил, состояние снежного наста определил, пройдя по краю болота, получил представление также о надежности его поверхности.

И подозревая свистом Загая, сказал псу, смотрящему ему в лицо умными глазами:

– Домой, Загай! Давай-ка домой!

И теперь уже быстрым шагом двинул по твердому насту следом за собакой, которая, наоборот, неторопливо бежала впереди, выискивая и показывая хозяину наиболее близкий и надежный путь домой, к егерской заимке.

Где в доме под плотной фуфайкой дожидался в чугуне и хозяина, и его пса горячий ужин, приготовленный хозяйкой.

х-х-х-х-х-х-х-х-х

В полста километрах от дома егеря, в охотничьей избушке в печке трещали разгорающиеся дрова, на печи стоял закопченный котелок и такой же закопченный алюминиевый чайник.

В котелке, распространяя запах тушенки, булькало варево, из носика чайника била струя пара, и Евсеев, сняв его, открыл крышку и засыпал внутрь заварку.

А потом укутал чайник в свою меховую куртку и поставил на краешек стола.

– Ну, где ваши деликатесы? – спросил он молодоженов, открывая складной нож и нарезая хлеб. И он, и Петюня всегда брали с собой, кроме бутербродов и термоса с чаем еще и продуктовый НЗ – пару банок тушенки, буханку хлеба, пачку чая, сахар, соль.

Ну, а в таежных избушках, в свою очередь, охотники всегда оставляли запас дров, мешочек с крупой, иногда – бутылочку растительного масла.

Так что знающий тайгу человек зимой по любому не пропадет от голода и холода. Летчики же, которым приходилось летать не только над тайгой, но и над Алтайскими горами, испытали всякого и потому, как уже упоминалось выше, всегда на всякий случай подстраховывались – брали с собой продуктовый НЗ.

Который обновлялся перед каждый рейсом.

И скоро на столе была разложена еда, исходила паром каша, заправленная тушенкой, а в металлических алюминиевых кружках парил терпко пахнувший чай.

Сидели на лавках тесно, но никто не жаловался. У Николая Евгеньевича нашлась фляжка со спиртом, огненную жидкость добавили в чай и скоро всем стало жарко.

Легли спать. Летчики – на полу, а пассажиры – на лавках. В избушке было тепло, даже – жарко, но Евсеев знал, что как только печь прогорит, заимка изнутри начнет быстро выстывать. «Пока нам опасен только холод», – думал он, выходя наружу.

Здесь, у задней стенки избушки, кто-то устроил что-то вроде поленницы – в свое время натаскал и нарубил сухих сучьев, расколол и разрубил даже несколько больших пней (судя по торчащим в сторону корням, пни принадлежали поваленным ветром деревьям, который с горами сгнили, а более плотная древесина у основания стволов сохранилась). Всё это теперь не лежало беспорядочной кучей, а было аккуратно собрано и уложено у бревенчатой стены.

Евсеев мысленно поблагодарил неизвестного колыщика.

Он набрал сначала одну охапку дров, которую занес внутрь избушки. Потом снова вышел наружу и набрал вторую охапку. «До утра хватит», подумал он, и разделся.

Все уже лежали и дремали, готовясь заснуть. И Николай поздравил себя за мысль добавить спирта в чай – после трудного похода по местами глубокому насту, сытный ужин и жар печи, а также чай со спиртом сыграли роль снотворного.

И пилот в свою очередь принялся укладываться на полу поближе к двери – чтобы сразу почувствовать, как начнёт остывать воздух в избушке и время от времени вставать для того, чтобы вовремя подбросить в печь новую порцию дров, не давая пламени угасать до конца.

Наверное, то, что он лежал рядом с дверью, которую они заложили толстым брусом-засовом, позволило этой ночью лишь ему услышать словно бы чьи-то шаги снаружи.

Поскрипывал снег, и вроде бы избушку обходил кто-то. Евсеев как раз проснулся и в очередной раз закладывал сучья и обломки пня в жерло печи, раздувая пламя.

И вот когда огонь разгорелся и Николай Евгеньевич подошел к своему месту у двери, он и слышал снаружи поскрипывание снега под чьими-то ногами.

Окошко в избушке было одно, маленькое и затянутое толстым слоем измороси – впрочем, что толку с него, если за окном еще была тьма?

Пилот посмотрел на часы – светящиеся стрелки показывали половину четвертого. Так что до рассвета было еще больше четырех часов.

«Выйти и посмотреть?», подумал Евсеев, но почему-то ему совсем не захотелось открывать дверь.

А шаги тем временем стали быстро удаляться. Да и какие шаги – шажки, легкая поступь, словно ходило какое-то небольшое животное.

Пилот заворочался на полу, устраиваясь поудобнее на разосланной фуфайке. И скоро уснул.

Но его тут же разбудил рев какого-то животного, раздавшийся вдали, где-то левее линии их маршрута. И этот испуганный рев разбудил также всех остальных, но Евсеев сказал:

– Спите, спите, это, наверное лось ревет. А может быть, голос болот – здесь недалеко незамерзающие топи, метан иногда вырывается с таким шумом, что мерещится черти что...

И с нарочитой ленцой принялся в очередной раз загружать печь. А потом, убедившись, что все вновь засыпают, достал карту и сел поближе к светящемуся пламенем и жаром отверстию топки. И принялся в который раз внимательно рассматривать карту.

Это была не полётная, а крупномасштабная карта местности, которыми пользовались егеря, геологи, военные.

Евсеев возил с собой в вертолете толстую пачку таких карт – раздобыл в свое время в геодезическом управлении. И они не раз помогали ему в трудных ситуациях. Вроде нынешней.

Он смотрел на карту и думал о том, что ему очень не нравятся эти шаги, и рев, которые он только что слышал.

Что-то не так было в лесу. По крайней мере, рев этот напоминал медвежий рык, но медведи в это время года лежали в своих берлогах в спячке. Неужели шатун? Тогда это плохо...

Евсеев еще долго изучал карту. В принципе, если ничто не помешает, завтра к вечеру они могут успеть дойти до дома егеря Боборыкина. Ну, а оттуда доберутся до Затайгинска автобусом, который пришлют из райцентра.

Но вот этот рев... И непонятные шаги... Рев, правда, донесся откуда-то издалека – ночью в лесу такие звуки распространяются на десятки километров.

А может быть, все-таки – лось? Но время гона еще не настало, да и чего это зверю реветь глубокой ночью? Разве что испугало его что-то, но что?

Странно все это...

Глава десятая

Лося, действительно, напугали. Напугали снеговики, вышедшие на охоту.

Хищным снежным человечкам была нужна живая плоть. И они, засветло обследовав болото, двинули внутрь лесного массива.

Казалось, пусто было на болотах...

Однако и там, и в лесу каким-то нечеловеческим чутьем они быстро находили добычу, причем охотились, как волки, стайей. Они окружали добычу и хватая ее мощными руками, тут же принимались рвать на части и затем обгладывать с помощью мелких зубы, которые плотными рядами наполняли их рты.

В сторону отбрасывались крупные кости. А мелкие перемалывались в муку и усваивались не хуже мяса.

После них оставался лишь скелет животного – позвоночник, ребра и череп. Начисто обглоданный, словно вылизанный...

Жертвами снеговиков стали несколько зайцев, лисица и даже рысь, неосмотрительно спустившаяся с верхушки пихты посмотреть, кто это внизу под деревом чавкает и хрустит костями? В исконных ее владениях?

Спустилась – и моментальная была схвачена мощными длинными руками и разорвана в считанные секунды.

А снеговички, нисколько не прибавляя в размерах, уже двигались дальше.

Вскоре они подошли к охотничьей заимке, где спали потерпевшие катастрофу четверо людей, и даже обошли зимовье дважды, но почувствовав сильное тепло, которое буквально сочилось из щелей между бревнами стен, отступили и направились назад к болоту, к **средоточию силы**, дающей им жизнь.

По пути им, наконец, встретилась достойная добыча, и была съедена. Животное успело издать лишь предсмертный крик – и моментально погибло. И тут же было съедено

И вновь после этого снежные человечки не изменились в размерах. Дело в том, что это живая плоть, попадая внутрь их, видоизменялась. Они потребляли ее, преобразуя при этом молекулярную структуру попадаемой внутрь них биомассы. И поэтому сейчас они накапливали пищу внутри себя, изменяя ее объем – а усвоение начнется позже, когда они очутятся в состоянии покоя.

Так что биологической плоти снежные человечки могли съесть огромное количество.

х-х-х-х-х-х-х-х-х-х

Ранним утром, когда до рассвета было еще далеко, в Затайгинске множество людей тем не менее уже не спало. Началась подготовка к масштабным поискам затерявшихся в тайге людей.

Администрация поселка и районное охот общество решили отрядить для этого три группы.

Первая группа состояла из Афонина Сергея Ивановича, отца Веры, Эммануила Григорьевича Гурича – врача районной больницы, охотника-любителя и поэтому неплохо знающего окрестную тайгу человека, а также охотников Загайнова Семена Семеновича, в обычной жизни – тракториста местного лесхоза, и друга пропавшего Павла, который на предстоящей свадьбе должен был быть дружкой жениха – Ильи Бубнова.

При этом Афонин и Загайнов, как более опытные охотники имели при себе ружья и запас патронов к ним, а у остальных двоих в рюкзаках были брезент и складные алюминиевые трубки. Кроме, разумеется, прочих необходимых в тайге вещей.

При помощи трубок и брезента в случае нужды можно было быстро соорудить носилки. Ведь никто не знал, нет ли в число потерпевших катастрофу раненых, все ли способны самостоятельно передвигаться по глубокому таежному снегу.

Вторая группа, во главе с Ковалем Богданом Петровичем, отцом Паши Ковалья, состояла из местного ветеринара Валерия Дмитриевича Баранникова, слесаря поселковой котельной Дундукова (большого любителя побродить по тайге с ружьем), и учителя биологии Затайгинской средней школы Захара Юрьевича Гаврилова – также охотника-любителя.

Естественной, носилки имели при себе в этой группе Баранников и Гаврилов, а огневую мощь обеспечивали Богдан Петрович Коваль и Иван Дундуков. Дундуков даже взял с собой не ружье, а карабин – а ну как наткнутся на медведя-шатуну? Или привяжется излишне любопытная рысь?

Третья группа состояла из председателя поселковой администрации Ильи Ильича Громады, а также Дмитрия Иванович Могутного – пенсионера, бывшего егеря, а потому – опытного лесовика, который и поныне постоянно пропадал в тайге с ружьишком наизготовку.

В этой группе также были два молодых милиционера-сержанта Николай Викторов и Игнат Битов. Кроме носилок, оба имели при себе табельные пистолеты «ПМ», ну, а Громада и Могутный были вооружены охотничьими ружьями-«вертикалками».

С ними порывался пойти и сам глава районной администрации Нечипоренко, но его кандидатуру отклонили. Охотником он не был, годов имел от роду 53, вдобавок был тучен и совершенно неспортивен. Так что ему справедливо указали на все эти его особенности и доказали, что пользы от него в поиске будет чуть, а вот вреда может получиться немало. Так как фактически он – просто-напросто балласт, и будет только мешать остальным.

С чем Нечипоренко, поразмыслив, вынужден был согласиться.

Итак, около половины седьмого утра все участники, вооружившись кроме уже упомянувшегося еще и топорами, запасом продуктов, сменными обувью и толстыми шерстяными носками (многие – и ещё кое-чем необходимым), садились в автобус, который тут же взревел мотором и бойко двинулся по накатанной снежной дороге, ведущей сквозь тайгу к дому егеря охотничьего заказчика Григория Боборыкина.

– Смотрите, небо чистое! – говорил Коваль Могутному. – Тихо будет, можно хотя бы бурана не опасаться...

– Тихо-то – тихо, – отвечал ему бывший егерь, – только такая погода – на мороз.

– Будет вам! – вмешался в их разговор Громада – глава администрации Затайгинска. – Узнавал я в нашем метеоцентре про погоду – во второй половине ожидается снегопад. Правда, ветер слабый, но видимость-то будет плохой, вот что главное!

– Ничего! Сигналы сможем подавать ракетами! – вмешался в разговор сержант Викторов. – Нам начальство ракетницы выдало и комплект сигнальных ракет. Всем хватит!

И он принялся развязывать рюкзаки.

Скоро руководители групп, получив по ракетнице, приняли разнимать стволы, заряжать и разряжать ракетницы, рассматривать маркировку ракетных патронов. Все остальные с интересом смотрели на эти процедуры, подавая советы и порываясь даже показать практически, как нужно пользоваться массивными ракетными пистолетами.

За этим занятием миновали почти весь путь, и скоро автобус уже стоял у калитки ограды егерского домика. А на пороге поисковиков дожидался и сам Боборыкин, а также его верный Загай, махающий хвостом.

– Поля! Налейка-ка нам чаю! – попросил Григорий жену, когда все зашли в дом и расселись на лавках.

Скоро приехавшие прихлебывали ароматный, на таёжных травах и листьях чай из походных кружек.

– Ну, что... Расстояние до места аварии примерно километров 50—60... – бормотал Гриша, склонившись над картой, которая была разложена на стоящем в центре большой комнаты столе. – Но не это – главное. А главное – что живы они...

– Откуда такая уверенность? – спросил, вставая и подходя к столу отец Веры Афониной.

– Интуиция! – отвечал Гриша. – Моя и вон Загай!

Пес, лежавший на коврике у двери, услышав свое имя, тут же застучал хвостом по деревянным доскам пола.

– Это как? – подошел к столу также отец Павла.

– Ну, мы ведь вчера сразу же после вашего звонка по телефону выходили на разведку, – бросая карандаш на середину карты и выпрямляясь, ответил егерь. – Я – и Загай. И скажу так – ни у меня тревоги не было, ни у собаки. А Загай ведь далеко впереди рыскал, и голос подавал все время. Так вот – смерть он чует издали. И как при этом лает – я слышал не раз. Так что, успокойтесь – может быть, они, конечно, что-то себе и повредили, но живы, это точно! И правильно, что вы носилки при себе имеете (егерь головой показал на стоящие в углу комнаты рюкзаки, которые все вошедшие сняли с себя и сложили в одно место. Алюминиевые трубки при этом были видны – торчали из завязанных горловин заплечных мешков). Дай, конечно, бог, чтобы негодились они, но лучше перебдеть, чем это, недо-... – Боборыкин хмыкнул и приложился к краю бокала, втянув в себя изрядный глоток чая.

Некоторое время стояла тишина, нарушаемая лишь стербаньем пьющих горячий напиток людей. В отличие от егеря, хлебающего из толстостенного фарфорового бокала, все стальные пили из походных металлических кружек, которые, как известно, мигом раскаляются при наполнении их горячей водой. Так что губам прикасаться к ним не очень-то приятно. Приходилось все время дуть на поверхность горячего напитка.

Но все всегда кончается. И скоро напившись чая, все сгрудились вокруг стола с картой.

Боборыкин распределял маршруты групп.

– Ваш маршрут, – говорил он, обращаясь к Афониному, – севернее остальных. Пойдете на плетенках (сплетенные из веток приспособления для ног вроде очень широких лыж). У вас, вот, смотрите (он карандашом показал место на карте) на пути будет овраг. Мы вчера с Загаем не успели дойти до него, так что определитесь на месте – если снег глубокий и не найдете спуска – в узком месте валите дерево и используйте, как мост. Точка аварии примерно вот здесь – но скорее всего экипаж и ваши ребята напрямик идут к моему дому. Так что обследуйте все лежащие на пути охотничьи заимки – на ваших картах они есть...

Старшие групп тут же достали карты и принялись сверять ее с картой егеря.

– По пути подавайте голосовые сигналы, а если начнется снегопад – световые, ракетами. И давайте договоримся – обычные сигналы: «Все в порядке!» – желтой ракетой, при нахождении ребят – зеленые. Ну, а если помощь нужна, или опасность там какая – стреляйте красными. Проверьте маркировку ракет прямо здесь...

– А если не самих ребят, а места их стоянок будем находить, – спросил Громада, с треском защелкивая ствол своего ракетного пистолета.

– Давайте, в этом случае – три желтые ракеты... – предложил Афонин.

Все руководители групп уже сложили карты и принялись вновь внимательно рассматривать и изучать ракетные патроны.

– Теперь вторая группа... – к егерю подошли Коваль, Баранников, Дундуков и Гаврилов. – Вы идете по центру, точно на восток. Болото остается у вас справа. На вашем пути глав-

ное препятствие – речка Каменка. Правда, на этом участке она должна быть перемерзшей, но когда будете переходить – будьте осторожны. Если случайно наступите на прикрытый снегом омут – можете провалиться. Правда, глубина у речки символическая – сантиметров 20—30, но омут может быть таким, что окажетесь в воде по пояс. Так что лучше заранее вырубить слуги и при переходе реки пробовать прочность льда перед собой. Ну, сигнализация ракетами такая же, так что двигаетесь до темноты, если не встретите ребят – ночуйте вот в этой заимке... – Гриша показал кончиком карандаша на обозначение избушки на карте. – Идете, само собой, на плетенках...

– Третья группа идет по краю болота. Вот у вас препятствие самое сложное. Каменка речушка мелководная, но широкая, и в месте впадения в болото никогда не замерзает. Так что вам лучше – смотрите на карту! Обойти место слияния реки и топей вот здесь – то есть подальше от опасного места.

Здесь на болоте деревьев нет, поверхность гладкая и наст плотный, так что пойдете на лыжах. Ваша задача – обследовать болото. Вдруг они приземлились как раз на нём, а не в тайге. Хотя, если верить маршруту полета, не должны бы, конечно, но кто его знает! Бинокли у вас есть?

– Есть! – ответил, показывая бинокль, Громада. – И у всех других тоже!

– Это хорошо! – сказал егерь. – Вам бинокли нужнее, чем другим. Но вот если снег пойдет... В общем, тогда кричите и стреляйте из ракетниц!

Боборыкин сложил карту и добавил:

– Полину я оставляю на телефоне, а сам буду вас подстраховывать – пойду следом и буду держаться в зоне видимости ракет и одновременно – не слишком далеко от дома. Если по телефону позвонят, что МЧС уже нашел всех пропавших, я выстрелю из ракетницы двумя зелеными и двумя желтыми – так что поглядывайте! Ну, и в этом случае тут же поворачивайте назад. Сбор – у меня!

Уже через десять минут все три группы, двигаясь гуськом, втянулись под свод высоченных деревьев и сразу же исчезли из виду.

Глава одиннадцатая

Раннее утро пробудило и снеговиков. Успев переварить добычу, съеденную накануне, они несколько увеличились в размерах, но по-прежнему были похожи ростом, скорее, на подростков, нежели, например, на взрослых людей. Нескладные и тонконогие, они походили на них разве что непомерной шириной плеч и длиной рук.

Вдобавок все они были разного роста и размера – наверное, это зависело от величины и мощи силы, создававшей каждого из них.

Вообще-то они не нуждались в отдыхе. И могли одинаково хорошо и видеть, и передвигаться как в полной темноте, ночью, так, естественно, и днем.

Но снежные человечки обнаружили, что ночью местные живые существа, в основном, спят, находить их трудно, поэтому охотиться удобнее днем.

И они вышли с наступлением дня. И направились на этот раз обследовать противоположную, южную, часть леса, окаймляющего болото. На пространстве самого болота достойной их дичи не было – зайцы и лисицы были слишком уж скудной пищей для десятка снеговиков.

Именно поэтому их встреча с поисковой группой номер три не состоялась сразу же, как только люди ступили на болото. Не смотря на производимый ими шум.

х-х-х-х-х-х-х-х-х-х

Группа Афонины стояла на вершине каменистой гряды. Сергей Иванович Афонин – невысокого роста, но крепкий и кряжистый, с темными густыми усами, с которых он вынужден был периодически сбивать рукавицей наледь, внимательно изучал в бинокль предстоящий его группе путь.

Двигаясь севернее остальных, они должны были пересечь овраг, который лежал точненько поперек их маршрута, а до этого перейти через речку Каменку, Правда, в этом месте (на их пути) Каменка была широкой, глубиной всего с десяток сантиметров и всегда замерзала.

Так что для них, в отличие от второй группы, речка не являлась препятствием.

А вот овраг... В том месте, где овраг нужно было преодолеть его группе, он был пусть и не особенно широким (метров восьми), но очень уж глубоким. Каменистая гряда, на верхушке которой стояли сейчас Афонин, Гурич, Загайнов и Бубнов, невдалеке поворачивала и тянулась далее в направлении с запада на восток, причем далеко. Именно минув ее Каменка сужалась, становилась глубже, движение ее вод убыстрялось и дальше по течению она местами всю зиму не замерзала.

Между тем ясное небо быстро темнело, откуда-то на нем взялись тучи, и теперь вот-вот следовало ожидать начала снегопада.

Но пока что видимость была прекрасной, и Сергей Иванович, махнув рукой, дал всем команду начать спуск. И сам, осторожно ставя ноги, на которых были широкие плетенки, направился по пологому склону вниз. За ним последовали длинный нескладный Гурич, широкоплечий среднего роста Загайнов и Бубнов – по юношески худощавый, с ярким румянцем на круглолицей физиономии.

Очутившись внизу, среди высоких стреловидных пихт, они несколько секунд проверяли снаряжение, а затем, вытянувшись гуськом, споро двинулись по снегу между деревьями, выбирая путь полегче и обходя изредка встречающиеся густые буреломы.

Снегу было достаточно, поэтому идти было легко. И на пути этой группе ничего интересного не попало – прошлой ночью снежные человечки двигаясь от болота с юга, дошли до гряды, но вверх не пошли. Так что следов их охоты группа Афонины не увидела.

х-х-х-х-х-х-х-х-х-х

Проснувшись утром, пилот вертолета Николай Евгеньевич Евсеев взял закопченный котелок, который бог весть сколько лет находился в этой заимке и служил не одному поколению охотников, и, одевшись, вышел наружу, чтобы отойти подальше и набрать чистого снега. Воду следовало экономить, хотя впереди них и находилась речка Каменка, но кто его знает – найдут ли они полынью, чтобы набрать воды.

А растопленный чистый таежный снег даст им воду и вкусную, и, главное, поможет сохранить имеющиеся при себе во фляжках и пластмассовых бутылках запасы воды.

Выйдя наружу, он сразу же обнаружил странные следы и догадался, что принадлежат они тем, кто ночью ходил вокруг их ночевья.

Николай Евгеньевич присмотрелся – следы были странными, и это еще было мягко сказано.

Представьте себе следы босых ног ребенка, но с ярко выраженным плоскостопием и без пальцев! Да-да, Евсеев наклонился и внимательно рассмотрел один из следов – формой он точно напоминал человеческие следы ребенка, но без отпечатков пальцев! Вместо четко выраженных вмятин от пальцев было одно сплошное углубление – словно пальцы у ночного посетителя срослись вместе, причем столь плотно, что на снегу при ходьбе разделения между ними не отпечатывалось!

Евсеев прошелся по следам, не затаптывая их, внимательно изучил вмятины в снегу и пришел к выводу, что мало того, что посетитель был странным, вдобавок он был не один. И величина вмятин, и форма их свидетельствовали, что ночных гостей было как минимум трое.

Все это очень не понравилось летчику. Он живо вспомнил ночной, полный ужаса рев какого-то животного и принял решение.

Тщательно затоптав все следы, он вернулся в зимовье и с порога весело сказал:

– Вот что, давайте-ка быстренько перекусим – и в путь! А то как бы снегопад не начался...

Сам того не ведая, он угадал – снегопад действительно начнется. Но позже.

– Смотрите, – сказал Николай Евгеньевич, вынимая из планшетки карту и раскладывая ее. – Путь наш лежит строго на запад, в направлении речки Каменки. Болото, по которому, конечно, было бы идти гораздо удобнее и быстрее – на нем и снег неглубокий, для нас не подходит. Слишком далеко в стороне.

Он ткнул пальцем в поверхность карты.

– Вот оно, южнее. Так что пойдем, как и вчера, тайгой – будем выбирать каменистые выходы, на них снега нет, потихоньку доберемся до следующего зимовья – вот оно, до него не так и далеко, километров тридцать. Там отдохнем, может быть – заночуем...

– Вы же говорили, что два дня идти до дома егеря! – жалобно сказала Вера. – А получается...

Евсеев вздохнул, сложил карту и подойдя к девушке, обнял ее за плечи.

– Понимаешь, дочка, я боюсь снегопада... Похоже, во второй половине дня он может начаться. А идти по камням, не видя пути... можно ногу сломать, упасть неудачно... А мяконько по снегу промеж деревьями мы идти не можем – в этом году снег глубокий, а у нас нет лыж. Да ты не расстраивайся, ну, днем больше, днем меньше – главное, еда у нас есть, карта – тоже, заимки здесь везде в тайге понастроены – ночевать под открытым небом не придется...

Тут пилоту вдруг вспомнились недавно виденные следы вокруг зимовья и почему-то ужас холодком прошелся по его спине.

Нет, ночевать снаружи строения он не пожелал бы никому...

– Ну, давайте быстренько позавтракаем – и вперед! Молодцы, что уже пламя в печи раздули!

Он поставил набитый снегом котелок на чугунную плиту печи, и снег почти сразу стал расплываться в котелке, таять.

Через полчаса четверка потерпевших аварию уже шла, то и дело спотыкаясь и осторожно ступая по лишь слегка прикрытым снегом камням.

В руках у каждого были слуги, которыми они то и дело тыкали перед собой, опасаясь попасть в засыпанную яму.

Светловолосая Вера, у которой локоны выбивались из-под синей шерстяной шапочки, даже в ватном комбинезоне была стройной, гибкой, и то и дело старалась идти быстрее, но ее сдерживал идущий следом Петюня.

– Не торопитесь, опасно спешить... Упадете и ушибетесь, – то и дело говорил он девушке.

Впрочем, Павел – спортивный и сильный (он играл в волейбольной команде института) шел рядом с Верой и придерживал ее одной рукой

Ну, а впереди всех шел Евсеев – он находил наиболее удобный путь и метил его следами своих валенок. Помогая направить всех иногда и зычными командами.

Снеговики загнали молодого лося и моментально загрызли его. После чего в течение нескольких минут объели все мясо, оставив лишь розоватого цвета кости.

Они двигались столь быстро, что еще до начала снегопада обошли болото с востока и, рассыпавшись, цепью двигались параллельно неспешно бредущей группе Евсеева. Постепенно нагоняя ее сзади.

Тем временем группа Афонина – отца Веры, двигаясь споро и весьма продуктивно, без каких-либо особых усилий и происшествий перешла по льду Каменку и вышла к оврагу. Вот возле него и решили передохнуть и перекусить – переход впереди предстоял тяжелый.

Вера Афонина как раз в это время, глядя по сторонам, чем-то увлеклась и просмотрела углубление между двумя камнями. Неосторожно поставив в снег, заполнивший углубление и создававший обманчивое впечатление надежной твердой поверхности, свою правую ногу, она провалилась ею, и не устояв поэтому на ногах, упала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.